

с нулевым
и у тебя есть выбор. не выходи
будет — обратных метра

Дарья Мийе

Как жить с ФРАНЦУЗОМ?

Ему что, жалко заплатить четыре евро за мое пиво? Saint-Tropez — posh or moche?

Важно уметь считать

Дарья Мийе

Как жить с французом

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6661539
Мийе, Дарья Как жить с французом: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07114-1

Аннотация

Сен-Тропе, Ницца, Париж и молодой интересный француз – что может быть романтичней? Но, увы, не одним запахом круассанов и не переливами аккордеона наполнена жизнь обладателей острого галльского ума. И русская девушка Даша делает для себя множество открытий. Почему французы не платят за даму в ресторане? Как они живут в квартирах без отопления и с ванной размером в шкаф? Почему они не знают, кто такой Делакруа и избегают купюр в 500 евро? Впрочем, загадка русской души для них тоже не поддается объяснению. Следить за этим противостоянием весело и познавательно, ведь до конца непонятно, кто кого переделает – русская француза или наоборот.

Содержание

Вступление	5
Карнавал под угрозой	6
Знакомый из Сен-Тропе	11
Волшебная сила хрустальных бокалов	16
Падчерица Франции	22
Переворачивая страницу	29
Это такая дикая страна, и я в ней живу	33
Знакомство с родителями, или Очень кошка	43
Парижская жизнь, так ее	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дарья Мийе

Как жить с французом

© Дарья Мийе, 2010

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

Вступление

Чтобы состоять в гармоничных отношениях с французом, надо научиться виртуозно делать две вещи – пить аперитив и вести бюджет за месяц. Я не даю себе поблажек: каждый день в пять вечера делаю кир из алиготе и черносмородинного ликера, а каждого тридцатого числа сажусь напротив компьютера с ворохом чеков и методично заполняю ячейки экселевской таблицы циферками. Если эти два способа времяпрепровождения совмещаются, то к последнему чеку я наполняюсь ощущением такого всемогущества, что даже верю, будто мы можем взять ипотечный кредит.

Сам же Гийом часто манкирует обычаями. Но ему простительно, ведь он настоящий француз, «с носом». Этот эталон французскости дала миру моя покойная бабушка. Расспрашивая про Гийома на заре нашего с ним романа, она всегда с удовольствием уточняла: «А он настоящий француз, с носом?» – «С носом, с носом», – кивала я. И бабушка успокаивалась: значит, не негр, не араб, не китаец, которые в последнее время тоже считаются «французами».

Несмотря на выразительный нос, из-за которого я пережила несколько неприятных минут в юности, мне только предстоит нелегкий путь адаптации к реалиям новой родины. И со страстью неопита я берусь за самые французские занятия. Например, на прошлой неделе пожарила каштаны. По собственной инициативе, никто меня за руку не тянул. В домашних условиях, без специальной деревянной сковороды с решетчатым дном, потратив полдня на надрезание их твердых коричневых попок крестиком. До этого я их сама собрала, а после этого сама же съела, запивая нормандским сидром. Интересно, уже можно просить о гражданстве?

Учусь носить шарф, которого чуралась всю жизнь, несмотря на московские зимы и мамины крики в окно: «Закрой горло немедленно!» Ведь все молодые француженки ходят замотанными в шарфы, будто у них все время воспалены гланды. Часто они не надевают колготок под юбку, но непременно сложно драпируют шею. В «Избранном» на компьютере у меня сайт с дюжиной способов завязывать красивые узлы.

Но сложнее всего дается прерываться на полноценный обед. Тут приходится прибегать прямо-таки к йоговским техникам – дышать пятой чакрой, раздувая пустой живот, вставать в сложносочиненную асану, при которой держать равновесие так трудно, что лучше гнать от себя любую мысль, которая может случайно попасть в мозжечок. Сначала я просто пробовала садиться в позу лотоса и сжимать большие и безымянные пальцы обеих рук, чтобы нормализовать ток энергии прана. Но свободными оставались именно те шесть пальцев, которыми печатают. И через двадцать минут я обнаруживала себя остервенело стучащей по клавиатуре, как будто ко мне неотвратимо подступает дедлайн, – ни о каком равномерном течении праны не могло быть и речи.

Однако я продолжала работать над собой, избавляясь от дурной привычки запихивать в себя обед без отрыва от производства. Ведь французы познаются за столом. Прием пищи для них превращен в череду прелестных маленьких ритуалов: вино с сиропом для разжигания аппетита; мозаика разноцветных закусок, от фиолетово-черного тапенада до воздушно-розового мусса из семги, – для пробуждения рецепторов; только потом основное блюдо для утоления голода; амюз-буш, чтобы перебить вкус первого перед тем, как приняться за второе; чашечка кофе с миниатюрной шоколадкой в качестве эффектного финала.

Теперь мне уже удается степенно пожарить рис с курицей и даже съесть полтарелки между приступами трудоголизма. Полтарелки – это видимый прогресс. Но для того, чтобы прерваться на первое, второе и третье в середине трудового дня, потребуются, вероятно, годы эзотерических практик.

Карнавал под угрозой

Чин-чин!

Мы чокнулись бокалами с кьянти и рассмеялись от переполнявшего нас ощущения счастья. Пусть эти благородно седеющие синьоры думают что хотят, даже то, что мы вместе. Каждый из них мечтает сейчас сидеть за нашим столиком.

Алеся поскребла ногтем шероховатую поверхность своей маски – серо-голубой, украшенной пышными розовыми перьями у левого виска:

– Думаешь, удастся довести ее до Москвы?

Я пожала плечами:

– По-моему, она родилась в Венеции и должна умереть здесь же.

Алеся подхватила маску за глазницу и повертела на указательном пальце:

– Велика вероятность, что родилась она все-таки в Китае, в безвестной южной провинции, в неветилируемом подвале, среди сотен изможденных семидесятичасовой рабочей неделей китайцев.

– Ты портишь мне всю сказку!

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, и по-моему... – она сделала полукруг почета правой рукой, – нам неплохо это удастся!

Я посмотрела на дымящийся в чашке капучино, на колышущиеся у причала гондолы, на желтое февральское небо над колокольной Сан-Джорджо-Маджоре и подумала, как она права, эта разумная Алеся. Нам уже все далось, удалось и отдалось. А ведь нам всего по двадцать два.

Как все лучшее в жизни, этот волшебный отпуск нам перепал случайно. Мы приехали работать на конференцию по экономическому развитию Альто-Адидже, самой автономной области Италии, где проводятся в жизнь инициативы настолько удивительные, что их эхо доносится даже до России. Во многом – нашими с Алесей стараниями. Я выступала тут как аккредитованный журналист, Алеся – как помощник директора амбициозной итальянской компании, которая по-всякому распушала хвост на конференции. За прошедшие пять дней мы сполна насладились рекламными обещаниями региональных чиновников и гигантов автопрома, чтобы с восторгом принять предложение коллеги Алеси провести остаток конференции в Венеции, где у него пустовала мансарда напротив церкви СантаМария-дей-Мираколи. «Красивейшей церкви в Венеции, – соблазнял нас Марио. – И потом, там сейчас карнавал».

Я все никак не могла привыкнуть к тому, что итальянцы выступают с такими заманчивыми предложениями совершенно бескорыстно, поэтому постоянно уточняла, не придется ли нам поливать по часам фикусы или делать генеральную уборку.

Не обнаружив никаких подводных камней, утром в четверг, вместо того чтобы занять места в очередном конференц-зале, мы устроились на мягких сиденьях скорого поезда, который доставил нас из Тренто в «тонущий город» за три часа.

Перетащив чемоданы через бесчисленное количество мостиков и преодолев пять узких лестничных пролетов, мы шумно выдохнули напротив малюсенькой двери, за которой, судя по плану на альбомном листке, скрывалось жилище Марио. Мансарда стояла этого долгого пути. Там не было ни стопок засаленных порножурналов, ни следов пребывания оголодавших домашних животных, ни слоя священной холостяцкой пыли. Зато были панно из муранского стекла, подвесные плетеные кресла и мини-бар, заполненный винами из всех регионов Италии. Из крошечного окошечка на кухне виднелись бело-коричневые стены Санты-Марии-дей-Мираколи.

Если бы все февраль были такими, их существование в календаре можно было бы извинить. За окном мансарды быстро вечерело, а температура держалась на отметке десять градусов; чтобы чувствовать себя надежно укрытым от «мороза», достаточно было двухслойной вельветовой куртки и порции ламбруско. Мы сбежали с пятого этажа по узкой винтовой лестнице и, прежде чем выскользнуть в грязноватый кале¹, опустили на лица маски: я – зелено-оранжевую с золотистой сеточкой, имитирующей вуаль, Алеся – серо-голубую с пером. Розовое перо – единственное напоминание о том, что сегодня День святого Валентина. В Венеции эту слашавую дату можно не заметить. Здесь все идет своим чередом, и Доктор Смерть – зловещая белая маска с щелками глаз и непомерно выдающимся носом – не идет на компромисс с производителями романтической символики.

В двадцать два года одиночество в День влюбленных воспринимается не с грустью, а с энтузиазмом: оно означает, что мы пока не связаны «стабильными отношениями» со скучными субъектами, которые проходят мимо украшенных витрин, видя в них заговор мировой коммерции. Следовательно, мир полон удивительных возможностей. Используя одну из них, четырнадцатое февраля мы отмечали в кафе на набережной Рива-дельи-Скьявони, влюбленные в Венецию, в Италию, в февраль, а главное, в самих себя. Позади у нас был год, полный незабываемых – и в большинстве случаев оплаченных работодателями – путешествий, впереди – судьбоносные встречи и бескрайние творческие горизонты.

Кроме того, я была совершенно уверена, что это последний День святого Валентина, который я встречаю в волнующем статусе «сингл»²: меньше чем через месяц я должна была увидеться с человеком, за которого мечтала выйти замуж последние пять лет. А если чего-то так сильно хотеть, у этого просто нет возможности не сбыться.

* * *

Маартен – это не мужчина, это мечта. Это, как поет Шакира, «мой заслуженный приз за то, что я была такой хорошей девочкой». Он может украсить собой обложку «Мэнс Хелф», но при этом он натурал. Он выпивает шот для храбрости, прежде чем пригласить девушку на танец, и волнуется перед первым поцелуем, хотя, глядя на него, не сомневаешься, что девушки сами готовы оплатить ему неограниченный доступ к бару за одну возможность поцелуя. Когда несколько лет назад мы познакомились на турецком курорте, у меня от восторга случилась кратковременная амнезия: на четыре дня я забыла подруг, с которыми у нас была запланирована культурная программа по побережью Эгейского моря, ожидающегося в Москве бойфренда и моральные принципы, запрещающие переходить к сексу на втором свидании. Я даже забыла, кто такая Шакира, хотя при каждом взгляде на Маартена тихонько напевала фразу из ее песни.

Мы расстались легко, без слез и обещаний. В течение следующих лет перекидывались поздравительными эсэмэсками на Рождество и дни рождения и иногда писали друг другу электронные письма. Один раз он мне даже позвонил: было поздно, он одиноко сидел в баре, пил пиво и думал обо мне. Это ли не верный признак глубоких чувств! Что-то внутри меня всегда знало: через несколько лет, когда он вылечится от травм последней любовной истории, бросит курить и будет реже говорить о маме, я стану миссис Маартен Уэнс.

Несколько месяцев назад, после очередного болезненного расставания с другом по эротической переписке, я решила, что круг пора замкнуть. Пора вернуться к началу, в ту точку,

¹ Переулочек на венецианском диалекте. – Здесь и далее примечания автора.

² Single – одинокий, без пары (англ.).

где я с трудом связывала английские слова и в момент, когда он стонал: «Oh I'm coming!»³ – на полном серьезе переспрашивала: «Where?»⁴ К тому мужчине, образ которого вдохновлял меня на подвиги: электроэпиляцию зоны бикини, покупку шелковой пижамы и перекрашивание волос в золотисто-рыжий цвет. К тому, благодаря которому я заинтересовалась гобеленами, кружевами, малиновым пивом и фламандским языком. Все вокруг пожимали плечами: никому не нужное, малопонятное ответвление голландского, на котором говорят в одной-единственной области – Фландрии, где параллельно на правах государственного существует вполне человеческий французский. Но французский был мне категорически неинтересен и даже неприятен за его неэкономное отношение к буквам – от двух до пяти знаков, чтобы выразить один гласный звук! Поэтому я настойчиво, но безуспешно искала курсы фламандского в Москве и распечатывала страницы из антверпенских газет, чтобы «почитать» за обедом. Таков был метод, который когда-то подсказала моя первая учительница итальянского, знавшая около двадцати языков в основном потому, что самолету она решительно предпочитала поезд. «Берешь в дорогу книгу на совершенно незнакомом языке. Первые три станции, естественно, не понимаешь ничего. Потом начинаешь узнавать отдельные грамматические конструкции. Потом угадываешь какие-то слова, отдаленно похожие на русские или английские. Так, глядишь, к концу путешествия начинает вырисовываться сюжет».

Я поезду предпочитала самолет, но от этого не собиралась расставаться с лингвистическими амбициями – между Москвой и Брюсселем три с половиной часа прямого перелета, а с пересадкой так и все пять. Я очень радовалась мысли, что делаю крюк через пол-Европы не просто так, а с пользой. Потому что на прямой перелет мне все равно не хватало – я заканчивала университет и работала неполный день на итальянскую редакцию в Москве. Начальник-итальянец не без оснований считал, что его лучезарная улыбка заменяет ежегодную индексацию зарплаты. Мои сбережения только начинали формироваться, и процесс этот обещал быть долгим.

Я купила билеты на сложносочиненный маршрут Москва – Копенгаген – Брюссель – Копенгаген – Москва еще осенью – пожалуй, впервые за собственные деньги, а потому на распродаже – и принялась ждать. И вот до дня Икс остался последний месяц; он, конечно, будет напряженным, ведь надо столько всего сделать, чтобы освежить воспоминания пятилетней давности и предстать перед героем девичьих грез Царевной Лебедью. Маникюр, педикюр, эпиляция, разгрузочные дни, ежедневные маски для лица и волос, обновление гардероба... Как кстати образовалась эта поездка в Италию, на родину всего красивого из кожи и замши! Куплю осенние сапоги, соответствующие масштабу замысла. Маартен ведь очень внимателен к аксессуарам: во мраке турецкой ночи он отметил, что мое белье сочетается с заколкой.

* * *

...Мы вскарабкались на нашу мансарду около трех ночи. Со стонами и скрипом стянули свежкупленные сапоги. Не стовариваясь, потрясли кулаками и выкинули пальцы: Алесины «ножницы» порезали мою «бумагу», а значит, ей выпало первой принимать душ. Выигрыш в «банную лотерею» давал не только фору во времени отхода ко сну, часто он определял, кто вообще сегодня ляжет спать чистым. Бойлеры, греющие воду в экономных европейских городах, не любят полуночников – горячая вода иссякает уже к десяти вечера, а в двенадцать ночи приходится мыться под жалкой, еле теплой струйкой. Алеся скрылась

³ «О, я кончаю!», что в дословном переводе может значить также «О, я прихожу!» (англ.)

⁴ «Куда?» (англ.)

в ванной, а я по привычке потянулась к компьютеру – кинуть запись в ЖЖ и проверить почту. В почте ждало письмо от Него. У меня приятно щекотало в животе, пока медлительный венецианский Интернет загружал страницу. Что там? Описание, как добраться до его дома? Или культурная программа, где шоколадная фабрика сменяется музеем гобеленов? Или напоминание взять теплые вещи, потому что мы поедem на побережье? Окно наконец загрузилось. В письме говорилось, что его посылают в командировку в Голландию и вернется он ровно за день до моего отъезда. «Но надеюсь, нам все-таки удастся встретиться перед твоим отлетом». Шкафы, зеркала, трюмо, потолочные балки, сапоги – все закружилось у меня перед глазами. Мне показалось, что на какое-то время я вообще разучилась читать. Буквы прыгали одна на другую и задорно помахивали хвостиками. Ноги будто приросли к паркету, а локти невозможно было оторвать от подлокотников. «Надеюсь, нам все-таки удастся встретиться перед твоим отлетом»?! «Надеюсь»?!

О, как несопоставимы наши надежды! Я-то надеюсь, что после волшебной недели, проведенной вместе, ты представишь меня родителям или мы хотя бы запланируем следующий совместный отпуск.

Я сидела в кресле, не в силах пошевелиться, с ноющими от неразношенных сапог мысками, интимной стрижкой в виде кошачьей мордочки, гладким от радиочисток лицом, на котором предательски подергивались носогубные складки, – вся такая готовая к любви и никому-никому не нужная. Вот так, несколькими предложениями, была разрушена многомесячная мечта. Хотя ощущения были такие, будто разрушена вся жизнь.

– Дорогая, я оставила тебе чуть-чуть горячей воды... Что случилось?

Алеся выплыла из ванной в облаке пара. В белом халате и высокой чалме из полотенца, она была похожа на фею-крестную, явившуюся решить все мои проблемы.

– В Бельгии меня никто не ждет, – обронила я тихо.

Алеся развернула к себе ноутбук и прочитала письмо.

– М-да... Какой подлец! – только и смогла сказать «фея».

– Ну, строго говоря, он ни в чем не виноват, – шмыгая носом, принялась я оправдывать предмет своей страсти. – Я же не сказала ему, что специально из-за него еду в Бельгию. Сказала, что еду по работе, а с ним буду рада увидеться в свободное время.

Алеся внимательно смотрела на меня. И правда, из моих возбужденных монологов могло показаться, что Маартен считает дни до моего приезда с неменьшим восторгом, чем я сама.

– Я же не могла вот так сразу, как снег на голову, обрушиться на него с известием, что приехала строить серьезные отношения! – старалась я теперь оправдать уже саму себя.

– Но отель-то ты забронировала? – уточнила практичная Алеся.

Я подняла на нее виноватый взгляд.

– Нет?! А где ты собиралась жить?

– Я рассчитывала, что он встретит меня в аэропорту, мы поедem к нему и он больше не захочет меня отпускать.

– Мда-а... – протянула Алеся. – Сдай билеты и купи *all inclusive* в Турцию.

– Билеты несдаваемые, – выдавила я, все глубже погружаясь в бездну отчаяния. Будет мне урок – никогда впредь не покупать билеты за свой счет.

Алеся понимала, что продолжение карнавала под угрозой. Среди моих астральных характеристик – умение портить настроение всем окружающим, чтобы привести его в резонанс с моим. Поэтому она глубоко вдохнула и произнесла:

– Дорогая, ты всегда говоришь, что надо жить настоящим. Давай на оставшиеся три дня просто запретим себе думать об этом. Будет жалко, если из-за этого письма ты прогрустишь весь карнавал.

Я молчала. Для человека, у которого только что отняли мечту длиною в пять лет, я еще неплохо держалась. В голове дул сквозняк, а кожу покалывало тысячами маленьких иголочек начинающегося озноба.

– В конце концов, отсюда ты ничего не можешь сделать, – продолжала увещевать Алеся. – Тут даже Интернет под честное слово работает.

Действительно, проводной Интернет в тонушей Венеции, да еще на пятом этаже ветхого здания, был довольно эфемерной связью с внешним миром. Будь она более стабильной, я чувствовала бы необходимость срочно действовать, решать, устраивать, перекраивать, искать и находить. А так ничего не оставалось, как вспомнить принцип Скарлетт О'Хара: «У меня нет сил думать об этом сегодня. Подумаю об этом завтра». Я установила в окошке чат-программы MSN статус «Belgian holidays in risk!» («Бельгийские каникулы под угрозой срыва») и отправилась спать.

Знакомый из Сен-Тропе

«Пора пересмотреть свою жизненную позицию...» – размышляла я, навигируя по сайтам бронирования отелей. Карнавал и Венеция остались в недалеком прошлом, в железном цилиндре еще не вынутой из фотоаппарата пленки, в неразобранном чемодане, раскорячившемся посреди спальни, – и я оказалась лицом к лицу с тем, о чем пыталась забыть последние три дня. Цены на отели в бельгийской столице были рассчитаны на парламентариев Евросоюза, которые регулярно собираются там на ассамблею; по крайней мере, так казалось мне, студентке, живущей на скромный заработок редактора маленькой газеты. Шестьдесят евро за ночь в одноместном номере – это ужас и кошмар при зарплате в шестьсот, особенно если учесть, что мне нужно прожить там неделю. Если бы я приехала, скажем, с подругой, то тот же номер обошелся бы каждой из нас в тридцать евро – как раз в ту сумму, которую я теоретически могла бы изъять из бюджета. Но никто из моих подруг не купил дешевых несдаваемых билетов по акции «Королевских авиалиний». А если и купил, то точно не в Бельгию: только мне могла прийти в голову идея тратить отпускные дни в этой сумрачной, ничем не примечательной стране.

Похоже, пришла пора серьезно задуматься о финансовой стороне моей беззаботной жизни. Быть журналистом мне нравилось: тебя везде хотят, везде ждут, везде по-королевски принимают. Я, конечно, подозревала, что то, чем я занимаюсь, – это немного не настоящая журналистика и где-то рядом существует мир, где моих коллег гонят поганой метлой из двери, а они пролезают в окно. Но стоит ли расстраиваться из-за того, что не принадлежишь к когорте тех журналистов, которые гордо именуется «слугами народа» и которых сам народ в массе своей недолюбливает? Мне нравилось летать по Европе за счет заинтересованных в моем пере офисах по туризму или итальянских компаний, имеющих виды на российский рынок. Нравилось есть деликатесы и пить дорогие вина на пресс-ужинах. Нравилось блистать нарядами на презентациях. Иными словами, мне нравилось жить не по средствам. И вот впервые я столкнулась с тем, что, оказывается, организовать простейшее путешествие мне не под силу и, что самое обидное, не по кошельку.

Внизу экрана мигало оранжевым сообщение, которое я не могла открыть уже часа полтора, обескураженная гостиничными тарифами.

GM: Привет! Как дела? Так ты все-таки едешь в Бельгию?

Спрашивал один шапочный интернет-знакомый – из тех, которые своей тоскливой вежливостью никак не дают желанного повода отправить их в игнор.

Я подумала, что он не отличается оригинальностью.

* * *

Примерно за полгода до этого...

– Даша, вы бывали в Сен-Тропе? – раздался в трубке голос главного редактора журнала о путешествиях, для которого несколько раз я переписывала чьи-то неформатные тексты.

– Пока нет, – ответила я, интонационно выражая готовность отправиться туда хоть завтра с редакционным заданием.

– Хмм... жаль, я так на вас рассчитывал. А сможете сделать текст так, как будто вы там бывали, причем недавно?

К подобным просьбам быстро привыкаешь. И так же быстро перестаешь всерьез воспринимать лекторов факультета журналистики, которые говорят, что главное в работе хоро-

шего репортажника – это ноги и глаза. Главное – хвост! То есть богатое воображение и умение выуживать информацию из Интернета.

– Спрашиваете, шеф! Комар носа не подточит!

– Время есть до понедельника. Да, знаю, немного, но ситуация непредвиденная – заказанный текст оказался полным... Ну, вы понимаете.

Я понимаю. Так, спасая номер, я уже мысленно побывала в Доминикане, Мексике, Малайзии и на Багамских островах – к сожалению, именно в тех местах, где мечтала побывать своим физическим, а не воображаемым телом. Но бюджет, сроки сдачи и другие редакционные формальности учат журналистов смирять свои амбиции.

Чтобы растолкать воображение, которое лениво ворочается при звуке незнакомых названий: мол, я никогда там не бывала, мне не за что даже зацепиться, чего ты от меня хочешь, неугомонная, – есть проверенный рецепт. Воображение – как гоночная машина. Если оно видит маршрут, на каждом повороте которого висят запретительные знаки и напоминания о допустимой скорости, оно впадает в тоску и вообще отказывается ехать. Поэтому для начала я заливаю в него хороший бензин из слухов, жареных фактов, газетных «уток», непроверенных сведений, субъективных мнений и обрывочной информации. Пока оно радостно визжит колесами, наматывая километро-страницы абсолютной белиберды, я тихонько начинаю наносить на асфальт разметку. Ставлю предупреждающие знаки. Вешаю радары и светофоры. Кладу лежачих полицейских. И поскольку воображению теперь уже больше хочется ехать, чем останавливаться, оно вынуждено им подчиниться. В итоге текст получается живым и фактически правильным.

Из всех определений профессии журналиста, которыми нас в избытке снабдили на факультете журналистики, мне нравится такое: «Журналист не должен все знать – он должен знать, у кого это спросить». Поэтому я мастер каталогизации. Френды в социальных сетях у меня рассортированы по папочкам с указанием страны проживания. Напротив имен указаны также места на земном шаре, в описании которых они могут быть полезны. Например:

Рустам: Азербайджан, Румыния (семья брата)

Леонард: Калькутта, Куба (отдыхал), Зимбабве (отдыхал)

Кириякос: Кипр, Коста-Брава (работал)

Томи: Стамбул, Лондон (учился), Страсбург (жена)

Сэм: Вашингтон, Мексика (стажировка)

Валерий: Нижний Новгород, Ереван, Джибути (запутанная история)

Попасть во френды претенденты могли в случае соответствия одному из критериев: а) если они были невероятно красивыми брюнетками; б) если они происходили из какой-нибудь экзотической страны; в) если они не начинали разговор с фразы «Привет! Как дела?». Благодаря их маленьким рассказам, а иногда и просто обрывочным репликам эффект присутствия у моих текстов всегда получается стопроцентный.

* * *

Сен-Тропе определенно не был медвежьим углом – в этом я убедилась, когда, открыв на экране окно чат-программы, обнаружила семь присланных сообщений в ответ на мой статус «Saint-Tropez – posh or moche?»⁵. Выказаться о легенде Лазурного Берега хотели все, от флегматичного немецкого инженера до манекенщика-скандинава. Единственный француз, среагировавший на провокацию, разочаровал меня немногословностью: «Я бы не потра-

⁵ «Сен-Тропе – модный (англ.) или уродливый (фр.)?»

тил ни дня своего отпуска на Сен-Тропе». Это диалоговое окно было тут же без сожаления закрыто.

Методично записав остальные комментарии в файл черновика будущей статьи, я занялась разработкой самых перспективных месторождений мысли. Например, швейцарский доктор, здорово помогший мне когда-то со статьей о Церматте, упоминал об игре в петанк, причем непременно в белом льняном костюме, как о традиционном развлечении местных жителей. Эту тему стоило развить. Американский профессор вспоминал, как провел в Европе медовый месяц со второй – но не последней – женой. Хотя это было в конце восьмидесятых, его воспоминания о шампанском и яхтах казались очень осязаемыми и легко могли быть осовременены.

Статья выписывалась кружевами: образ цеплялся за образ, одна метафора тянула за собой другую. Но я продолжала искать. Искать камертон, который привел бы все эти яркие образы, интересные факты и многоярусные метафоры в единую тональность, и тогда они бы выстроились в прекрасную мелодию. А между тем был уже вечер субботы. Внизу экрана раздражающе мигало оранжевым сообщение, которое я в пылу работы не открывала уже второй час.

GM: Привет! Как дела? Ты все-таки собираешься в Сен-Тропе?

Спрашивал тот самый француз, на которого возлагались большие надежды и который их не оправдал.

DK: Да я, в общем-то, туда и не собиралась.

GM: А зачем спрашивала?

DK: Статью пишу.

GM: Ну да, ты же журналист. И что ты пишешь о Сен-Тропе – он модный или уродливый?

DK: Я думала, ты мне расскажешь.

И он совершенно неожиданно выдал моему воображению целую канистру первоклассного бензина с фракциями субъективности, детских воспоминаний и местных суеверий. Он рассказал про то, что ночью в тех местах ездить опасно из-за привычки диких свиней выскакивать на проезжую часть; про то, что водители, поставив машины в зигзагообразную оборонительную конструкцию, перекупают друг у друга парковочное место прямо на самом этом самом парковочном месте; про то, что комплект для петанка там стоит столько, будто шарикеры сделаны из серебра 925-й пробы.

В понедельник текст был сдан. Главными героями его были я сама, французский юноша, которого я никогда не видела, и город, в котором я никогда не бывала. После его публикации наша связь, никогда не существовавшая в действительности, стала полноценным фактом медиапространства.

* * *

... Так вот, я подумала, что он не отличается оригинальностью. И что еще хуже, в отличие от текста о Сен-Тропе, сейчас он мне никак не может помочь. DK: Пожалуй, я уже не собираюсь в Бельгию. Мои друзья меня кинули. GM: Почему? Я сама себе задаю этот вопрос. Только я задаю его примерно с такой интонацией: «Почему??!! Ну почему????!!!!!» DK: Потому что их не будет там, пока там буду я. Одной мне нечего там делать и негде оставаться. На другом конце затихло. Для приличного человека этот француз явно затягивал с

соболезнованиями. Я подождала еще немного, потом свернула окно и вернулась к грустным поискам гостиницы за тридцать евро в сутки.

Когда диалоговое окно снова замигало, я намеренно не открывала его минут десять. Что интересного мог сказать человек, начинающий виртуальную беседу с «Привет! Как дела?»! Наверняка он обошелся скудной формулой вежливости типа: «Мне очень жаль, что твои друзья так поступили, но уверен, ты найдешь чем заняться в Бельгии». Нет, это для него длинновато. Скорее он ограничился простым: «Мне очень жаль!». Я развернула окно.

GM: Знаешь, у меня как раз появилась возможность взять отпуск, так что, если ты хочешь, я мог бы приехать в Брюссель и побыть с тобой.

GM: Мне несложно.

GM: От Парижа это всего два часа на поезде, я только что проверил.

Я не верила своим глазам. Три строчки текста за раз? Нет, подождите, он ГОТОВ ПРИЕХАТЬ? Он же меня даже не видел, ну разве что на фотографии в виртуальном профиле. Я, конечно, там очень даже ничего себе, с выдающейся грудью, да и вообще похожа на Кэтрин Зету-Джонс, но... Этот парень что, никогда не слышал о фотошопе?

Я отъехала от компьютера на стуле на колесиках и приняла позу, удобную для размышлений: ноги выставлены вперед, спина согнута дугой, одна рука обхватывает грудь, другая подпирает голову. Это очень мило с его стороны – потратить свой отпуск на совершенно незнакомую девушку. И он мог бы стать той самой «подругой», которой недоставало в расчетах... Загвоздка в том, что он не «подруга», а некое виртуальное существо предположительно мужского пола, которое собирается обрести кровь и плоть и жить бок о бок со мной неделю. А вдруг он мне не понравится? Вдруг у него из носа растут волосы и дурно пахнет изо рта? С другой стороны, он помог бы мне сэкономить как минимум двести десять евро в неделю, за это можно многое простить. Ну, не волосы и не запах, конечно, но... скажем, если он носит дырявые носки, можно простить. Или, например, не стрижет, а обкусывает ногти... Нет-нет, ногти – не могу. Носки – могу, ногти – не могу! Хотя, если подумать, двести десять евро – это ведь целое весеннее пальто... Мы же будем всего-навсего соседями по комнате, пусть, в конце концов, грызет свои ногти. А если он не пользуется дезодорантом? Я же задохнусь. Двести десять евро экономии плюс спасенные сто пятьдесят евро за несдаваемый билет. Господи, я уже задыхаюсь!

Я соскочила со стула и пошла в ванную ополоснуть лицо холодной водой. Контраст температур всегда помогает прийти к верному решению. Лучше что-то сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. Тем более что в конце путешествия меня ждала награда за все перенесенные страдания – короткая, но такая долгожданная встреча с Маартеном. И пусть мы не успеем сделать всего запланированного, старт будет дан. Потом, через пару месяцев, он приедет в Москву, скажет: «Дарья, я умираю вдалеке от тебя». И все начнется по-настоящему.

– Это идея! – напечатала я в диалоговом окошке, вытирая щеки воротом домашней кофты. – А ты правда хотел провести отпуск в Бельгии?

– Нет. Но там хорошее пиво.

Ну и славно. Если бы он сказал «Нет. Но если там будешь ты – да», я бы чувствовала себя обязанной. В моей ситуации это очень некстати.

– В какой гостинице ты остановишься?

Вот он, момент истины.

– В том-то и проблема. Я не могу забронировать гостиницу, потому что у меня нет кредитной карточки.

– Как это, у тебя нет кредитной карточки? Ты ее потеряла?

– У меня ее и не было никогда...

Мое смущение было заметно даже орфографически. Неужели человеку в двадцать два года совершенно необходимо иметь кредитку? Прогнивший капиталистический Запад!

– Хмм...

Видимо, это сочетание букв должно было выражать крайнюю степень задумчивости и скептицизма. Чтобы он не дай бог не подумал, что у меня имеются виды на его кредитку, я быстро добавила, что, похоже, придется ехать в никуда и искать гостиницу на месте.

Этот вариант отпадал уже потому, что пограничники в аэропорту могли потребовать бронь отеля, и я уже представляла себя, бедную-несчастную-голодную-три-дня-немытую, в гипсокартонной комнатке ожидающую депортации. Слава богу, тонкий психологический расчет сработал.

– Хмм... Ладно, я забронирую отель по своей карте. На какую сумму ты рассчитываешь?

– На тридцать евро с человека.

– То есть... если я правильно понял, ты хочешь снять один номер на двоих?

Он мгновенно калькулирует! У меня на голове зашевелились волосы. Что он сейчас обо мне думает? Раскованная девушка из России, никогда не имевшая банковской карты, но не чурающаяся перспективы жить вместе с незнакомым мужчиной, у которого такая карта есть? Из маленького диалогового окошка на меня струились презрение и подозрение, и от стыда я поглубже зарылась в плед.

Он повторил вопросительный знак.

– Ну, я думала сэкономить, раз уж мы поедем вместе.

– Логично. Побудь онлайн, пока я буду бронировать.

– О'кей! – радостно согласилась я. – Кстати, ты не мог бы потом прислать мне копию брони на случай, если пограничники в аэропорту спросят? Знаешь, для нас, русских, мир полон формальностей.

– Хорошо.

Уфф. Теперь главное – не думать раньше времени о торчащих из носа волосинках и оспинах от подростковых прыщей. На фотографии в профиле он недурен собой – широкоплечий темноволосый парень со свободной стрижкой и рюкзаком за плечами. Правда, фото довольно расплывчатое и сделано «на расстоянии».

Через полчаса окошко снова замигало. На этот раз я открыла его сразу.

– Я выслал тебе на почту подтверждение бронирования. Оно на мое имя, естественно. Так что я приложил еще письмо пограничникам с объяснением, что номер забронирован на двоих, и моим номером телефона, а заодно копию моей идентификационной карты. Так что, если возникнут вопросы при въезде, пусть свяжутся со мной.

– Спасибо!

– Не за что. До связи.

Его предусмотрительность подкупала. В почте я нашла письмо со всеми обещанными документами и сразу отправила их на печать. Трещащий струйный принтер строчка за строчкой выдавливал из себя спасение моим бельгийским каникулам. Вот улеглись в лоток испещренные мелкими латинскими буквами листки бронирования. За ними выползло письмо – незнакомые слова с обилием надстрочных знаков, характерных для французского. И наконец, копия идентификационной карты, аналога европейского внутреннего паспорта. Я взяла в руки последнюю страницу и всмотрелась в официальную фотографию: даже черно-белая и плохо пропечатанная, она обещала, что эти каникулы будут больше чем просто дружескими...

Волшебная сила хрустальных бокалов

План А: сказать больно и отпустить его наслаждаться отпуском в одиночестве.

План Б: надеть кольцо на безымянный палец правой руки и с энтузиазмом сообщить, что я недавно вышла замуж.

План В: сказать, что мой главный интерес в Бельгии – музеи гобеленов.

Сидя в жестком кресле самолета «Королевских авиалиний», я листала купленный в аэропорту справочник «Лё Пти Фюте» с видом человека, который старается составить эргономичный маршрут, связавший бы Атомиум, Парк Европы, Музей Рене Магритта и Писающего мальчика. На самом деле мозг судорожно генерировал маневры на случай, если попутчик мне совсем не понравится. Да, гобелены – это хорошо, это должно стать сильным аргументом против моего общества...

Чем ближе подлетал самолет к пункту назначения, тем влажнее становились ладони. Когда капитан объявил о начинающейся посадке, я залпом выпила пластиковый стаканчик красного вина и вжалась в кресло в жалких попытках медитации. Тук-тук, тук-тук, тук-тук – колотилось в заложенных ушах.

«Привет, так вот ты какой!»

«Привет! Вино на борту было неплохим».

«Привет, ты любишь Магритта так же, как люблю его я?»

Фантазия никак не могла разродиться оригинальной приветственной фразой.

Едва я вышла в «рукав», соединяющий самолет с аэропортом, в сумке заиграл мобильный.

– Ты долетела? – спросил красивый мужской голос.

Только тут я поняла, что до сих пор мы даже ни разу не слышали друг друга.

– Да, уже иду к паспортному контролю.

– Отлично, я жду на выходе. Чем бы все это ни кончилось, голос заверните, пожалуйста, отдельно.

Кусая от нетерпения ногти, я прошла паспортный контроль. Переминаясь с ноги на ногу, дождалась чемодана. Шумно выдохнула и шагнула к автоматически открывающимся дверям. Обвела испуганным взглядом толпу встречающих. Кто-то справа махнул рукой. Я обернулась... Господи, как много времени потеряно на придумывание дипломатичных отказов! Все эти часы надо было потратить на разработку всевозможных завоевательных стратегий! В толпе встречающих стоял Мой Принц, и, по всей очевидности, он ждал именно меня. Я шагала к нему с глупой улыбкой и абсолютной, пугающей, восхитительной пустотой в голове.

* * *

«Неужели ни одного прыща?» – думала я, таращась на него все с той же приклеенной улыбкой, пока мы спускались в лифте на платформу, откуда стартовал экспресс-поезд к центру города. Он тоже явно что-то искал в моем лице. Но я, в отличие от него, не могла похвастаться ни такой непогрешимо матовой кожей, ни такими идеально лежащими волосами. Ни четко очерченным подбородком, ни кинематографическим профилем. Ни даже приятным румянцем на скулах. От сознания своих несовершенств я полыхала огнем от ушей до мизинцев на ногах.

Перебрасываясь короткими фразами на английском, мы сели в поезд и через невыносимых полчаса краснений, бледнений и заиканий прибыли на Северный вокзал, рядом с

которым, судя по Гугл-Карты, располагалась наша гостиница. Француз нравился мне все больше, особенно после того, как предложил обменять свой маленький мужской несесерчик на колесиках на мой двадцатикилограммовый баул, набитый одеждой и обувью на все случаи жизни. Мелочь, в общем-то, но для нас, неземансипированных женщин, она многое значит. Надеюсь, Маартена эмансипация тоже не слишком испортила, но, в конце концов, все поддается коррекции. Он же не виноват, что родился в Европе.

Отель не обманул ожиданий только в одном: он действительно находился в пяти минутах ходьбы от вокзала. Я отдала Гийому паспорт и присела на диван, предоставив ему дирижировать ситуацией. Судя по его напряженной спине и часто повторяемому «Но-но-но», я вовремя самоустранилась: процесс регистрации проходил с осложнениями. За десять минут перепалки на французском между Гийомом и хозяином отеля мои предположения становились все мрачнее и мрачнее.

Мы будем ночевать на вокзале?

Банк аннулировал кредитку Гийома?

Русский загранпаспорт недействителен в Бельгии?

Гийом находится в международном розыске?

Я нахожусь в международном розыске?!

Гийом подошел ко мне, рассерженный и покрасневшийся:

– Черте-что! Я даже не знаю, что делать... – «Ну точно, аннулировали кредитку и загранпаспорт недействителен», – пронеслось у меня в голове. – Они отдали наш номер час назад.

– Как такое возможно? Ты же его оплатил! – воскликнула я, отгоняя от себя образы бомжей, ошивающихся у вокзала. – То есть мы будем спать на улице?

– Да, оплатил. Но ресепшионист подумал, что раз мы... ну, в общем, что мы... если мы парень и девушка, то... короче, он подумал, что его коллега ошибся, забронировав для нас номер с двумя одноместными кроватями. И отдал его пожилой паре.

В моем воображении бомжи сменились совсем другими образами.

– То есть комнаты у них все-таки есть? – осторожно уточнила я.

– Да, но только с двуспальными кроватями.

На его лице была написана такая искренняя досада, что мне стало не по себе. Казалось, стоит мне шевельнуться в направлении входной двери, как он вылетит туда, увлекая за собой оба наших чемодана. Но с другой стороны, раз он еще не на пути к вокзалу, значит, ждет решения от меня. А у меня за плечами в общей сложности семь с половиной часов пути, считая дорогу до Шереметьево и пересадку в Копенгагене. И мне совершенно не улыбалась перспектива провести остаток этого влажного мартовского вечера, чавкая по лужам в замшевых сапожках в неизвестном направлении. Ведь тогда еще не было айфонов с функцией ориентировки на местности.

– Ну что ж, придется брать то, что есть. Не на улице же ночевать, – сказала я, смотря на него глазами олененка Бэмби. Разве олененок Бэмби может навевать непристойные мысли? Только мысли об опеке и заботе.

Гийом согласно кивнул:

– Но я попрошу его, как только комната освободится, сразу же переселить нас.

– Конечно! – горячо поддержала я эту инициативу. Даже чересчур горячо.

В сопровождении хозяина мы поднялись по крутой лестнице на третий этаж, волоча за собой чемоданы – в штате отеля носильщик явно не числился. «Вот это настоящая жизнь, Дашенька. Хорошо, что тебе не надо к ней привыкать», – вела я мысленный диалог сама с собой, втягивая на очередную ступеньку относительно легкий Гийомов чемоданчик. В моей жизни журналиста-путешественника нас везли из аэропорта на микроавтобусе с кондиционером, по дороге заботливый отельный менеджер раздавал нам бутылки с минералкой, в

лобби гостиницы нас, как правило, ждал поднос с бокалами шампанского, и, пока мы пили за знакомство, ресепшионист уже приносил ключи от наших комнат. Надо ли говорить, что чемодан сама я передвигала не дальше, чем от багажной ленты до двери такси.

Хозяин отпер дверь с номером 303 и шагнул внутрь.

Мы остались за порогом, потому что больше туда войти никто не мог.

– Там ванная. – Хозяин уперся локтем в стену слева. – Там окно, рядом шкаф. – Широкий жест направо. – А вот кровать. – Он дал дружеский шлепок подушке. – Чувствуйте себя как дома!

И бочком вышел. Мы переглянулись и втянули чемоданы в узкое пространство между кроватью и гипсокартонной стенкой. Перед нами было окно, а за ним – глухая серая стена какого-то индустриального здания. Хотя если уж совсем честно, перед нами была кровать, а уже за ней – окно. Но этот предмет интерьера мы молчаливо договорились не замечать.

* * *

Это было очень стеснительно. Мы изо всех сил старались не смотреть в сторону лежбища, но ввиду того, что оно занимало три четверти пространства комнаты, получалось у нас плохо. Я аккуратно раскладывала свои блузки на левой стороне кровати, боясь задеть ими невидимую демаркационную линию, которая делила спальное место на мою и его половины. Гийом долго ковырялся в своем чемоданчике, а потом спросил, может ли он первым принять душ после дороги.

Кровь прилила к моим щекам. Куда же мне деваться в этой десятиметровой клетушке, когда он выйдет из ванной с вафельным полотенцем вместо набедренной повязки?!

– Конечно иди. Я пока как раз закончу со шкафом, – подбодрила я его. И вся обратилась в слух.

Щелкнула щеколда на двери. Хлопнуло об стену полотенце. Тонко затрещал трикотажный пуловер, стягиваемый через плечи. Звякнула пряжка ремня на джинсах. Вжикнула растегаиваемая молния. Джинсы упали на кафельный пол. Наступила пауза, наполненная еле слышным шуршанием. Я знала, ЧТО он сейчас снимает. И не могла об этом не думать. Воображение увлекло меня так далеко, что звук воды, обрушившейся на эмаль душевого поддона, показался почти оплеухой. Я вынырнула из эротических фантазий и судорожно принялась расправлять платье на плечиках, как будто кто-то мог меня уличить в непристойности.

Он вышел из ванной в халате и носках. Это было огромным облегчением. Я поспешила занять неостывший душевой поддон, чтобы дать ему время переодеться. И только тут заметила толчок. О ужас, что же делать целую неделю?! Ведь тонкие гипсокартонные стены способствуют рождению не только эротических фантазий, но и других, еще более натуралистичных образов.

Под горячим душем самые неразрешимые проблемы кажутся решаемыми. В конце концов, тысячи студентов, чтобы снять квартиру, ищут соквартирантов через социальные сети и специальные сайты. В лучшем случае они пару раз встречаются в кафе, прежде чем начать вести совместное хозяйство. Мы, правда, до сих пор не виделись ни разу... Но и делить жилплощадь нам не так уж долго – всего семь дней. А потом я увижусь с Маартеном, и начнется совсем другая жизнь...

Я закуталась в длинный, мешковатый халат и вышла из ванной. Гийом развешивал рубашки. Лихо перемахнув через его часть кровати, я уселась на своей в позе лотоса. Путь к чемодану был перекрыт, поэтому ничего не оставалось, как рассматривать его спину. Очень статную спину, ограниченную сверху широченными плечами, а снизу – узкими бедрами. Все как мы любим.

– Да, ты не могла бы сразу отдать мне половину того, что я заплатил за гостиницу? – попросил вдруг Гийом, не отрываясь от развешивания рубашек. – Двести двадцать евро.

Кляцц! Пок-пок-пок-пок-пок! Внутри меня как будто лопнул пузырек с ядом, и его содержимое стало быстро растекаться по венам и артериям. Яд имел противоположное действие. Все достоинства Гийома – чувственный голос, широкие плечи, густые темные волосы, орлиный нос – стали скукоживаться на глазах. Он все так же стоял напротив, расправляя рубашку на плечиках, халат красиво обнимал его торс, я даже почувствовала сложносоставной запах его волос, кожи и геля для душа, но при этом он вдруг удалился от меня на непреодолимое расстояние. По десятибалльной шкале разочарований это тянуло на девять: как будто все приятные ожидания, что копились во мне эти несколько дней и достигли той критической массы, чтобы перерасти во влюбленность, вдруг обратились в пыль, а у меня даже не было сил поднять руку, чтобы удержать несколько пылинок.

– Ах да, конечно, я и сама собиралась, – пролепетала я и для убедительности стукнула себя по лбу. – Вот, держи!

И я протянула ему три зеленые сотенные купюры. Гийом озадаченно посмотрел на них:

– У тебя там еще много таких?! – Увидев напряженное выражение на моем лице, он строго добавил: – Иметь при себе наличность опасно, все пользуются карточками.

– Не волнуйся, у меня осталось совсем немного, – сострила я.

– Слушай, ну у меня, в любом случае, нет сдачи. Давай ты мне дашь двести, а на двадцать угостишь завтра меня ужином?

– О'кей.

Я никак не могла классифицировать происходящее. Он. Просит. Угостить. Его. Ужином. То есть в переводе с мужского на человеческий – я ему совсем не нравлюсь и никаких планов на совместное, пусть и короткое, будущее он не строит. Хотя, с другой стороны, говорят, что у европейцев все по-другому: женщины сами платят за себя и обижаются, если им подадут пальто. В любом случае он приехал сюда с уговором о совместной аренде гостиничного номера, у него, как и у меня, могла быть установка на чисто коммерческие отношения, и денег он, скорее всего, взял соответственно. А может – и даже вероятнее всего, – я вовсе не в его вкусе и он не планирует перевести наши отношения в область гендерно-обременительных.

Я с болью в сердце отдавала ему двести евро. И дело тут было совсем не в деньгах. Просто эта сцена никак не могла бы появиться на первых страницах любовного романа.

* * *

Гийом, конечно, не понял причин резкой перемены моего настроения: остаток вечера я не могла выдавить из себя лишнего слова. «Да», «Нет», «Можно?», «Спасибо!» – на большее меня не хватало. Мой мозг был занят. Он всеми силами старался найти объяснение такому необычному поведению мужчины, которое не нанесло бы ущерба моей самооценке. Но оно никак не находилось. В моменты эмоциональных потрясений сильно хочется есть. Было уже поздно, и я порадовалась – насколько уместно было это слово в контексте моих переживаний – предусмотрительности Гийома, настоявшего на том, чтобы купить в привокзальном кафе два сэндвича. Сэндвичи представляли собой половинки багета, надрезанные и начиненные ломтями сыра, ветчины и листьями салата. Я пилила зубами жесткую хлебную корку и шумно втягивала ртом соус, забыв обо всех правилах соблазна. Зачем они теперь? В конце концов, я не рубль, чтобы всем нравиться. Точнее, я рубль, но в Еврозоне. Нам всего-то надо провести вместе семь дней, даже уже шесть с половиной, а потом приедет Маартен – и все, бывшее до него, я просто забуду...

На периферии сознания возник голос Гийома:

– Я привез кое-что, чтобы отметить знакомство.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать от себя все мысли, и повернулась к нему. Казалось, мы давно не виделись, хотя все это время он был рядом, в той же десятиметровой комнате. Он стоял с бутылкой вина в одной руке и двумя хрустальными бокалами – в другой.

– Бокалы? – вытаращилась я.

– Я рассчитывал, что такую реакцию вызовет «Шато Верно» тысяча девятьсот девяносто восьмого года, но если тебе больше нравятся бокалы...

– Откуда ты их взял? Привез с собой?!

– Ну да, было понятно, что в двухзвездочной гостинице экономят на хрустале.

– Ты провез хрустальные бокалы через пол-Европы, чтобы выпить за знакомство? – не унималась я.

– Что в этом такого?.. Нельзя же пить вино из пластиковых стаканчиков.

– Ничего такого. Просто это... мило... – Я впервые за вечер улыбнулась. – И неожиданно. И романтично.

Гийом опустил голову, пряча застенчивую улыбку, и принялся ввинчивать штопор в горлышко «Шато Верно».

– Штопор я тоже привез, – на всякий случай добавил он. Вдруг эти русские балдеют от привозных штопоров, кто их знает?

После пары торопливо опустошенных бокалов объяснение странностям в его поведении нашлось само собой: конечно, он не рассчитывал встретить такую неземную красавицу, как я, и не подумал взять с собой деньги на ухаживания. Нельзя винить его за то, что в жизни я краше, чем на фото. Это называется «ха-риз-ма».

Воодушевленная домыслами, я снова привела в действие весь арсенал флирта. Практика показывала, что даже бедный студент, когда он влюблен, найдет возможность пригласить даму сердца в ресторан. Добиться, чтобы он заплатил за меня в кафе, – вот что станет мета-целью завтрашнего дня. Нет, я не меркантильна, в кошельке была достаточная сумма на пропитание, но теперь это дело принципа. Возможно, он не рассчитывал на большие траты, но уж на повседневную мелочь, вроде пива и мороженого, у него должно хватить. Эта мысль прорастала в моем сознании, пока физическое тело с ажиотажем рассуждало об астрологии – оказалось, мы с ним одного знака, Рыбы. Гийом полулежал на своей половине кровати и не без интереса слушал. Хотя никто не может с уверенностью сказать, что тогда происходило в его сознании.

Вскоре после полуночи мы почистили зубы и легли спать – каждый строго на своей половине.

– У меня, например, никогда не ладилось со Стрельцами, – проговорила я, глядя в потолок.

– У меня один из лучших друзей – Стрелец, – ответил он. – Но он, правду сказать, со странностями.

– Какими, например?

– Ну, все говорят, он не от мира сего. Витает в высших сферах.

– Правда? – Я повернулась на бок. – А я всегда считала, что они, наоборот, слишком повернуты на материальной стороне жизни – мечтают о высокой зарплате, вынашивают всякие бизнес-проекты.

– Вынашивать-то он вынашивает! – усмехнулся Гийом. – Может, я тоже в глубине души Стрелец?

– У тебя есть бизнес-проекты или ты мечтаешь о высокой зарплате?

– Я не мечтаю о зарплате. Зарплата – для бедняков, которые работают на дядю. Но у меня есть проекты, – ответил он загадочно и посмотрел мне в глаза.

– Вообще-то они везунчики, эти Стрельцы. В казино все время выигрывают. Жизнь им часто подбрасывает счастливый билет. У нас, Рыб... с этим... сложнее...

Я не договорила, потому что Гийом, медленно приближавшийся ко мне во время последней фразы, вдруг оказался совсем рядом и... поцеловал меня. Без шуток, это было очень неожиданно. Несколько секунд я боялась пошевелить губами в ответ, соображая, чем мне это грозит. Но, в конце концов, это решало многие проблемы. Можно больше не мучиться мыслью, нравлюсь я ему или нет, и не делить микроскопическую комнату на две части. Об остальных преимуществах надо будет подумать после поцелуя, тем более что он такой приятный...

Падчерица Франции

Утром нас разбудил телефонный звонок.

– Алло, – просипел в трубку Гийом, и я сквозь сон снова подумала, что за один только голос ему можно простить массу недостатков. Он зажал трубку рукой и обратился ко мне на английском: – У них утром освободилась комната с двумя постелями, мы можем переехать. Ты... хочешь?

Я повернулась и посмотрела на него, растрепанного и румяного ото сна:

– А ты?

Он помедлил с ответом.

– Я уже тут освоился.

Я кивнула и с довольной улыбкой зарылась под одеяло.

Час спустя мы вышли на улицу Брюсселя уже в новом качестве – формально встречающихся. В этом новом качестве Гийом даже решился взять мою руку. Он держал ее так осторожно, что между ладонями оставалась щелка. Когда моя рука мне понадобилась, было холодно и неудобно забирать ее из его ладони. Но я не поторопилась вложить ее обратно – как-то неудобно было делать историю из одного поцелуя, пусть и довольно продолжительного.

Этот день, проведенный в поисках Писающего мальчика, принес мне два открытия: да, я ему нравлюсь, и нет, он не собирается за меня платить в кафе. Когда официант приносил счет, Гийом сначала выжидал, потом, видя, что я ничего не предпринимаю, придвигал счет к себе, высчитывал свою долю и передавал его мне. Я низко склоняла голову над листком бумаги, изображая работу внутреннего калькулятора, в действительности же пряча дергающееся левое веко.

Ночью, лежа около спокойно посапывающего Гийома, я смотрела в потолок и чувствовала в желудке признаки начинающейся язвы. Надо было срочно что-то придумать. Если так пойдет дальше, в конце отпуска меня госпитализируют: нарастающее негодование просто сомнет внутренние органы. Ему что, жалко заплатить четыре евро за мой бокал пива или семь – за помидорный салат? Возможно, он сейчас в стесненных обстоятельствах – набрал шесть кредитов, формирует будущую пенсию и выплачивает медицинскую страховку с учетом всех возможных рисков. Возможно также, что у европейских мужчин период ухода начинается только после пробного секса, а не до, как у отечественных. А этого элемента в нашей истории пока не было: разморенный выпитым за ужином пивом, он уснул раньше, чем я вышла из душа.

* * *

Кому-то покажется странным, что ближайшая перспектива серьезных отношений с Маартеном не отвращала меня от мыслей о сексе с другим мужчиной. Да чего далеко ходить – мне и самой это казалось странным. Всегда, когда Гийом отходил от меня на расстояние больше двадцати метров. Когда он удалялся по направлению к билетной кассе или барной стойке, посмотреть название улицы или расписание поездов, на фоне его спины проступало лицо Маартена с печальной понимающей улыбкой. И я думала, что целомудренно доживу до его приезда. Когда же Гийом возвращался с пинтой пива или билетами, с названием улицы или временем отправления в Гент, постельная сцена с ним снова виделась мне самым логичным развитием отношений. Химия!

У меня было много времени подумать о раздвоении личности следующим утром, пока поезд бодро бежал вдоль полей Фландрии, а Гийом по обыкновению молчал. Я заглянула в себя так глубоко, как могла: угрызений совести не было. Так, вероятно, чувствуют себя мужчины накануне свадьбы: они могут месяцы жить с избранницей сердца и не помышлять об измене, но когда до смены статуса остаются считанные дни, в них просыпается какой-то животный инстинкт урвать свой кусочек свободы, которая в обычные дни была им и даром не нужна. Цивилизация даже узаконила это странное мужское желание в обычае мальчишника. Все, что происходит в эту неделю, мой «мальчишник». Гийом – последний черновик перед тем, как я со всей ответственностью примусь за чистовик отношений с Маартеном.

А поскольку черновик специально придуман для ошибок и их исправления, мои недостатки, как чертики из табакерок, повыскакивали в присутствии Гийома. Они чувствовали, что этот глоток свободы последний, вот-вот я закручу гайки и стану всем довольной пай-девочкой.

Перестану все на свете анализировать.

Откажусь от привычки говорить командным тоном.

Проведу сортировку приоритетов и переставлю работу на дальние позиции.

Научусь готовить.

Стану пунктуальной.

Пока же я – сгусток самых непривлекательных женских качеств в симпатичной упаковке. И самое неприятное – в присутствии Гийома мне за себя почти не стыдно. Ведь я такая плохая, потому что он не на высоте. А значит, можно с чистой совестью командовать, лениться и опаздывать.

Опаздывали мы везде и всегда. Если планировали выехать после завтрака, то непременно получалось в час обеда. Если составляли программу посещения, не выполняли и половины. Если собирались лечь пораньше, все равно засиживались в джаз-клубе до полуночи. Такова уж особенность пары Рыб. И хотя порой я ужасно злилась, что все идет наперекосяк составленному плану, приятно было, что никто не подгоняет меня и не обвиняет в медлительности. Разве отпуск придуман не для того, чтобы прижать плавники и плыть по течению?

Целыми днями мы слонялись по жилым кварталам, подолгу обедали в кафе, если там было уютно, заходили греться в сувенирные лавки, постоянно отклонялись от намеченного маршрута в пользу какой-нибудь живописной улочки. Мы так и не увидели Атомиума, да и Писающего мальчика нашли в предпоследний день. Мы держались за руки и часто останавливались посреди тротуара, чтобы поцеловаться. Это выглядело странно: Гийом вдруг притормаживал, разворачивался на девяносто градусов, притягивал меня к себе и прижимал свои губы к моим. Мне, признаться, не помешали бы какие-то вступительные слова или предупредительные жесты. Но я послушно прикрывала глаза и отвечала на поцелуй, чтобы не отвратить его хотя бы от этого проявления эмоций.

Потому что порой мне всерьез казалось, что Гийом аутист. Вроде бы его действия говорили о том, что мое общество ему приятно, но вслух он в этом не признавался. Для меня, человека слова, это было невыносимо. В моем универсуме события, мысли, чувства становятся реальными только в момент произнесения; на территории невербальных знаков, сигналов тела, красноречивых взглядов и прочей интуитивной хиромантии я чувствую себя слепым котенком. Мне необходимо было проговаривать все, что происходит между нами, понять, что такое для него эти каникулярные отношения, и самой найти им подходящий маркер. Все это было странно, незапланированно, и Гийом даже не пытался помочь мне разобраться в себе.

С трудом удавалось вытягивать из него информацию о каких бы то ни было чувствах. Все, что удалось узнать, используя ассортимент можжевеловых ликеров в комбина-

ции с крепленным пивом, – это то, что он некрасиво расстался с бывшей девушкой. Она была испанка. Узнав об этом, я вздохнула с облегчением: конкурировать с испанкой, да еще совсем недавно разбившей его сердце, в вопросах любви и страсти практически безнадежно. Хорошо, что у меня на Гийома нет серьезных видов. С бывшей девушкой они сошлись во время стажировки в Голландии. Через год она уехала продолжать стажироваться в Швейцарию, через полгода нашла там работу, а еще через пару месяцев – и нового кавалера.

– Любовь на расстоянии – это сложно, – грустно резюмировал Гийом.

– Да уж, – не могла не согласиться я.

Все-таки я правильно сделала, что приехала. Пора уже исключить фактор расстояния из формулы наших с Маартеном отношений.

* * *

День святого Патрика застал нас на пути в Антверпен. В поезде я сидела как на иголках, томимая сладким предвкушением знакомства с будущим местом жительства. Ведь Маартен живет именно в Антверпене. Я вышла из здания вокзала с заготовленной улыбкой умиления, готовая принять и полюбить этот город, каким бы он ни оказался... И наверно, не было в календаре дня, который рассказал бы об Антверпене больше. Бары грозили перелиться пивом через край и растечься пенным содержимым по брусчатым улочкам. Я мотала головой из стороны в сторону в глупой надежде заметить знакомый силуэт, хотя Маартен, я знала, был сейчас за несколько десятков километров отсюда. Возможно, мне встретится его мать или сестра – я никогда не видела даже их фотографий, но при этом была уверена, что узнаю их в толпе, статных блондинок с высокими скулами и характерным изломом бровей. Маартен как-то проронил, что окна его квартиры выходят на церковь, где похоронен Рубенс. Мне непременно хотелось ее найти. Но в нашем путеводителе про эту церковь не упоминалось, да и вообще Антверпену там было отведено мало места.

Гийом знал, что Рубенс – это художник, улица его имени есть недалеко от его дома в Париже, но словосочетание «рубенсовские формы» не сообщало ему решительно ничего. Так же как имена Ван Дейка, Ван Эйка и пары «малых голландцев», припомненных по случаю. Стало ясно, что искусство не самая увлекательная для него материя. Перспектива тратить время на поиски безымянной церкви, где покоятся останки какого-то много лет назад почившего художника, живописавшего толстых теток, казалась ему, мягко говоря, малопривлекательной. Мне, закончившей художественную школу, было сложно с этим смириться. Еще сложнее, чем с его молчаливостью, которую до сих пор можно было принимать за интеллектуальность мизантропического толка.

Но если уж начистоту, весна медлила с приходом в Антверпен, и с каждым часом горячего – или горячительного – хотелось сильнее, чем утоления культурного голода. Поиски могилы Рубенса кончились, когда наши шатания прервала компания датских пенсионеров в гигантских зеленых шляпах, отличающих тех, кто празднует День святого Патрика, от тех, для кого 17 марта просто еще один весенний день. От пенсионеров воодушевляюще пахло алкоголем, а на лицах было написано желание продолжить банкет. Сев им на хвост, мы вышли на Гроенплаац, которая, в отличие от главных площадей других городов, окружена не унылыми муниципальными учреждениями, а пивными. Паб «Келтик Айрлэнд», сотрясавшийся от хардкорных басов, засасывал в себя народ, как ураганная воронка. Он легко затянул и нас – Рыбы вообще склонны поддаваться чужому влиянию, особенно дурному.

Пока Гийом сосредоточенно изучал меню – несколько страниц, густо исписанных названиями пива, – я грустно грызла фисташки, не в силах пережить, что он равнодушен к живописи. И к истории. И к кинематографу. Да что там, к культуре вообще! С отрешенным выражением лица я кидала имена, словно в черную дыру:

– Де Лакруа?

– Нет.

– София Коппола?

– Неа.

– Роман Гари?

Отрицательное мотание головой.

– Ремарк?

– М-м-м... что-то знакомое...

– Ну конечно, – оживилась я. – Эрих Мария Ремарк, знаменитейший немецкий писатель!

– Угу. А что он написал знаменитого?

– Ну как же! «На западном фронте без перемен», «Три товарища» – лучший роман о мужской дружбе!

На лице Гийома застыло выражение мучительного воспоминания.

– Не помню. И вообще сомнительно, что человек с именем Мария может что-то знать о мужской дружбе, – наконец изрек он.

Я поникла головой. Нет, это будет коротким курортным романом – и ничем больше! Возможно, и до романа-то «это» не дорастет, а останется в архиве воспоминаний под грифом «странный молчаливый парень, который привез бокалы».

В этот момент над нами выросли три красотки в сетчатых чулках и латексном белье – анимационная команда не давала гостям заскучать. Гийом начал было впадать в забытие от энергичных движений подтянутыми ягодицами гоу-гоу-гёрл перед самым носом, но крепкие голландские ребята обступали нас все плотнее, вытесняя все живое вон мощными татуированными плечами. Пришлось залпом выпить пинту и тихонько ретироваться – маскулинное возбуждение вокруг нарастало слишком стремительно.

Мы расплатились, каждый за себя, и поспешили на станцию – если сесть на поезд в 22.15, то можно успеть на второе отделение концерта в нашем любимом джаз-клубе недалеко от Гран-Плас. В любви к джазу мы были солидарны.

* * *

При упоминании о Бельгии, этой падчерице Франции, на обветренных лицах профессиональных путешественников появляется выражение тоски – зеленой, как коктейль «Грин-Гиннесс», смешанный из темного пива и ядреного мятного ликера. Заказать недельный тур в эту страну человек может лишь в двух случаях (не считая весьма специфического моего): если он пишет диссертацию по брабантской готике или если он попался на нейролингвистические уловки менеджера турагентства. Тоску, одолевающую неискушенного туриста на третий день пребывания в Бельгии, как водится, заливают алкоголем. А поскольку в непримечательном бельгийском пабе запросто можно обнаружить более сотни сортов пива и для каждого – специальный стакан с собственным названием, Бельгия – лучшая страна для оправданного алкоголизма. – Что, если нам смотаться на денек в Голландию? – предложил Гийом как-то утром, когда мы, пролистав «Лё Пти Фюте», две трети адресов которого заметно устарели, грустно посмотрели друг на друга.

– А можно так вот запросто – на денек? – удивилась я его не скованному границами и визами воображению.

Он сдвинул брови:

– Ну да, какие могут быть сложности? Сели в поезд – и через два часа в Амстердаме.

Вот оно, первое раскрепощенное поколение, выросшее в Евросоюзе. Когда отечественная дипломатия добьется таких успехов?..

– Давай, конечно! – Я подпрыгнула на кровати от возбуждения. Во-первых, я никогда не бывала в Голландии, а во-вторых, это на несколько километров приблизит меня к Маартену.

Мы покидали в рюкзак кошельки и солнечные очки и через два с половиной часа высадились в городе, где люди живут в лодках, где в окнах нет штор и велосипедов в разы больше, чем машин. Проигнорировав музеи мадам Тюссо, Ван Гога, Рембрандта, секса и даже марихуаны, мы слонялись по улицам, которые то сужались, провоцируя образование человеческих тромбов, то расширялись до проспектов, заполненных счастливыми велосипедистами. К обеду мы обросли пакетами с сувенирами – ароматическими палочками, экзотическими курительными приспособлениями, галлюциногенными жвачками и мелкими предметами гардероба растаманской расцветки. Этого хватило бы на несколько месяцев жизни в параллельной реальности. И уж поскольку мы были здесь, то не грех было на часок-другой заглянуть в эту самую параллельную реальность, к которой мы так основательно подготовились.

Сгущались сумерки, и мы спустились в подвальчик, мало чем отличающийся от обычной брюссельской пивной, – кофе-шоп. Разве только столики были низкими, будто журнальными, вместо стульев – кресла-шезлонги, да меню выглядели замусоленными до неприличия. Из-за пятен половина букв расплылась, а те, что остались, не вносили ясности: штудии родственного голландскому фламандского никак мне не помогали. Я передоверила выбор Гийому, ведь он целый год учился в Голландии по программе «Эрасмус». Увидев, с каким выражением трогательного узнавания он читал меню, можно было не сомневаться: в тот год аудитории он посещал нечасто.

Мы раскурили на двоих какую-то длинную коричневую сигарету, не возымевшую обещанного мозгодробительного действия, и, чтобы завершить программу моральной деградации, отправились в квартал красных фонарей.

В обители греха Гийом вел себя странно: держался от меня на расстоянии, терялся в толпе, прятал лицо, если ему подмигивали девушки в витринах. Когда я спросила, что не так, он доверительно шепнул, что за нами кто-то следит. Я рассмеялась, но на его лице не было ни тени веселья: глаза испуганно бегали по головам прохожих, брови ходили ходуном, а рот неприятно выгибался, как бывает в приступе сильных эмоций. Нам пришлось спешно покинуть квартал, несмотря на пантомимические уговоры негритянки за стеклом, пригласившей нас зайти вдвоем.

С трудом удалось убедить Гийома подняться в вагон поезда, отбывающего в Брюссель: он был уверен, что поезд начинен взрывчаткой. Однако, едва коснувшись сиденья, моментально забыл о том, что наша жизнь висит на волоске, и заснул мертвецким сном как-то совершенно без предупреждения. Трудность была в том, что билеты были у него, но где именно – я не представляла. Деликатные попытки разбудить Гийома результата не дали, и я с широченной улыбкой, предназначенной суровой даме-контролеру, принялась ощупывать его карманы. Сначала робко, потом настойчиво, а когда дама взялась за рацию, чтобы вызвать подкрепление, и вовсе бесцеремонно. Я ворочала его обмякшее тело, расстегивала все попадавшиеся на пути молнии и пуговицы, залезала холодными ладонями под рубашку и за пазуху. Съел он их, что ли? Между тем в вагон пришли еще двое дюжих молодцев в синей форме, и мне стало совсем не по себе. Гийом полулежал у меня на коленях, потому что единственное оставшееся непроверенным место на его теле были задние карманы джинсов. Я не понимала, о чем говорили трое контролеров, но по интонациям чувствовала, что их терпение подходит к концу.

– Вот они, вот они, – радостно воскликнула я, нащупав сложенные бумажки в заднем кармане.

Едва я потянула за них, Гийом вдруг проснулся. Да не просто проснулся, а больно схватил меня за руку и стал повторять:

– Брось нож, брось нож, брось нож! Полиция!

– Из Амстердама едут, – усмехнулся самый высокий контролер. – Что за траву ты курил, парень?

Гийом озирался по сторонам пустыми глазами и стальной хваткой сжимал мое запястье.

– Отпусти, – принялась я выдергивать руку. – Я просто искала билеты!

– Мадемуазель, может, нам и правда стоит вызвать полицию? – спросил второй контролер.

– Нет, спасибо, я справлюсь.

Гийом наконец отпустил мою руку и обмяк в кресле. Контролеры ушли. Я, насупившись, устала в темное окно.

– Прости. Мне сквозь сон показалось, что меня собираются обворовать.

– Да что с тобой не так?! – взорвалась я. – То за нами следят, то поезд взрывают, то тебя обворовывают. Откуда такая мнительность?! Может, ты еще думаешь, что меня подслало КГБ?

Наши соседи по вагону тихонько вышли.

– Ну, так далеко, положим, моя мысль не простиралась, но...

– Но?

– Честно говоря, первые дни я был настороже – боялся, что ты можешь меня ограбить ночью или, того хуже, убить.

Я стала хватать ртом воздух от переполнявшего меня возмущения. Он подозревал меня в готовности совершить все смертные грехи, но при этом не брезговал долгими поцелуями перед отходом ко сну! Может быть, все авансы, которые он мне раздавал все эти дни, были всего лишь попыткой заручиться моей симпатией и тем самым нейтрализовать мои коварные замыслы?

– Ты... Ты... Ты больной, вот что! Надо было тебя и убить, и ограбить.

Он рассмеялся и обнял меня за плечи:

– Но мысль, что ты агент КГБ, меня очень возбуждает.

* * *

В номере отеля, где мы оказались через час, эта мысль его по-прежнему возбуждала. И еще как! Очевидно, он лелеял фантазию по мотивам фильма «Никита»⁶ все то время пути, что не спал, потому что, едва переступив порог комнаты, принялся страстно целовать меня в шею и срывать с меня одежду в поисках спрятанного на теле табельного оружия. Я увлеченно включилась в ролевою игру, предвкушая бессонную ночь, полную плотских восторгов... В тот самый момент, когда прелюдия должна была перейти в честный половой акт, ритм ласк вдруг подозрительно замедлился. И тональность многообещающих постанываний стала угасать... достигла нижнего регистра звуков... и перешла в храп. Совершенно ничего не обещающий храп. Тяжелое французское тело лежало на мне и храпело. Можно было придумать как минимум четыре объяснения, как я, молодая и красивая, оказалась в такой ситуации: тяжелый день, долгая дорога, хронический отпускной недосып, сочетание легких наркотиков с легким алкоголем... Но думалось почему-то только о том, что предыдущие сексуальные партнеры щадили мою самооценку. Кряхтя, я сбросила спящее тело на его половину кровати. Похоже, за этот отпуск я заработаю не только язву, но и массу комплексов. И единственным утешением моему уничтоженному эго будет мелкая месть: я расскажу всем подругам, что любовные возможности французов в классической литературе сильно

⁶ «Никита» – фильм Люка Бессона, где Анн Парийо снялась в роли завербованного агента французских спецслужб.

преувеличены. Придумывая едкие характеристики для их слабого либидо, я заснула ближе к рассвету.

* * *

С утра Гийом всегда был настроен на основательное знакомство с Бельгией. К обеду его энтузиазм немного утихал, а после обеда он едва заставлял себя передвигаться. Поэтому подъем был бесчеловечно назначен на шесть утра – поезд на Турне отбывал без пятнадцати восемь. Расчет был таким, что мы успеем осмотреть хотя бы кафедральный собор до того, как Гийома накроет волна послеобеденной лени. А уж в музей гобеленов я, так и быть, пойду одна.

Но мы не сели на первый поезд. Не сели и на второй. Мы были заняты. И пусть шесть утра не самое подходящее время для постельных сцен, медлить дольше было нельзя: практика показала, что к вечеру мы слишком устаем, и если не перенести секс на утренние часы, то велика вероятность обходиться поцелуями до отъезда. И что еще страшнее, оставшиеся десятилетия я рискую прожить с подозрением, что мужчины спят со мной только потому, что я интересный собеседник.

Переворачивая страницу

Мы уписывали устриц во фритерии брюссельского пригорода Андерлект, когда мой телефон заерзал на столе от входящего вызова. Я едва успела зажать его в руке: экран взрывался сердечками и фейерверками, а внизу пульсировало «Маартен Уэнс».

– Привет, дорогая! Я вернулся!

– Привет, – радостно воскликнула я.

– Прости, что так глупо получилось с этой командировкой, я постараюсь загладить вину.

– Ничего, мне было чем заняться. – Я подмигнула Гийому, который выжидающе смотрел на меня.

– Где ты сейчас? Может, я подъеду?

– Э-э-э... я ем устриц. То есть уже почти доела. То есть уже почти сплю. Давай все-таки завтра.

– Ну-у, если хочешь, давай завтра. Но я бы с удовольствием приехал и на ночь глядя. – Тон его голоса многообещающе потеплел.

– Не сомневаюсь. Но у меня уже ночь. Давай все-таки завтра. Только у меня в пять вечера самолет.

– О'кей. Приеду в Брюссель рано утром.

– Давай в одиннадцать на Гран-Плас? – предложила я, подсчитав, что мне понадобится примерно час, чтобы привести себя в порядок после отъезда Гийома – сделать компресс из спитого чая на заплаканные глаза, помыть и уложить волосы, выбрать наряд, накраситься, привнеся в легкий утренний макияж драматические оттенки соблазнения.

– Отлично, до встречи, – отрапортовал Маартен. – И... я очень рад, что мы увидимся.

Я положила телефон на клетчатую скатерть, медля поднимать глаза. Пальцы мелкими движениями пристраивали пластиковый корпус между двумя красными клетками на скатерти. Щеки горели, на висках от возбуждения бились венки. Я чувствовала, как вопросительный взгляд скользит по моим волосам. Я посмотрела на Гийома с выражением фальшивого энтузиазма:

– Это один мой приятель, помнишь, с которым я хотела повидаться в Бельгии. Он приедет завтра днем, представляешь, как удачно! Так я не буду слишком сильно тосковать из-за твоего отъезда.

– Да, я вижу, ты не будешь слишком сильно тосковать.

Я улыбнулась и торопливо накрыла его ладонь своей. И хотя в этом жесте было больше притворства, чем искреннего сожаления, мысль о том, что завтра он уедет и на этом все закончится, впервые пришла мне в голову. До сих пор я думала только о том, что остается все меньше дней до встречи с Маартеном.

* * *

В тот вечер Гийом был молчаливее обычного. Никаких романтических обещаний, которыми обычно обмениваются напоследок герои курортного романа. Мы вернулись в Брюссель на автобусе, прошлись немного по влажным от дождя улицам для пущей меланхолии, поднялись в нашу комнатушку. Гийом принялся собирать вещи, и с каждой уложенной рубашкой ком в моем горле становился все острее и горче. Ничего, так всегда бывает, надо просто пережить слезовыжимательный момент расставания, понятно ведь, что у нас нет и не может быть никакого будущего: он не знает, кто такой Ремарк...

– Можешь сделать мне одолжение? – спросил он вдруг.

Я с готовностью кивнула.

– Я так и не успел подписать открытки друзьям и знакомым. Сделаю это сейчас. Брошишь их завтра в почтовый ящик?

– Конечно!

Он высыпал на кровать два десятка почтовых карточек с классическими видами Брюсселя. Мы покупали их вместе в сувенирном ларьке, куда зашли однажды погреться. Вот заснеженная Гран-Плас, ощерившаяся фасадами пламенной готики. Вот сверкающие на солнце шары Атомиума, который мы так и не увидели. Вот Писающий мальчик, снятый в три четверти и снизу – самый популярный ракурс. Я тогда еще подумала, как это глупо – и как это мило – рассылать безвкусные открытки типа «Привет из Брюсселя» по двадцати адресам. Они сделаны из другого теста, эти европейцы.

Гийом сосредоточенно подписывал карточки, одну за другой. Я незаметно заглядывала через плечо, надеясь распознать сочетание букв, похожее на *Daria*, желательно в сочетании со словами *amoug* или хотя бы *belle*⁷. Ничего подобного. «Папа, мама, у меня все о'кей, привет из Брюсселя». Дата и подпись. Сухарь!

Завтра он уедет, и все закончится. Больше мы не сорвемся в Амстердам от нечего делать. Больше не побежим через полстраны в бар на выступление джаз-квинтета. Больше не будет спазмов под ложечкой при виде ресторанного счета. «Не влюблена ли я?» – спрашивала я сама себя, заглядывая в тайники девичьей души. «Нет», – находила неизменный ответ.

Утром я проводила его до выхода из отеля. Мы поцеловались на прощание, пообещали друг другу держать связь. Я посмотрела, как он пересекает площадь, увлекая за собой маленький черный чемоданчик, будто собаку на поводке, и уныло побрела в отель. Хорошо, что я предусмотрительно оставила себе пару часов на то, чтобы дать слабинку. Слабинка могла и затянуться. Увидев мое выражение лица, хозяин отеля – он же ресепшенист, он же официант за завтраком – спросил, не подать ли чего-нибудь покрепче к утреннему кофе. Я покачала головой, а он отечески похлопал меня по плечу. Держу пари, в тот момент он сам себя расхваливал за то, что не поселил нас в номер с отдельными кроватями.

* * *

Первое, что я заметила, – твидовый пиджак в мелкую коричневую клеточку с кожаными нашивками на локтях. Второе – наметившийся второй подбородок. Но в остальном нельзя было отрицать, что мужчина, пересекающий Гранд-плас решительными шагами, – Маартен Уэнс, которого мое воображение законсервировало загорелым и подтянутым, в узких плавках, в его идеальные двадцать шесть. Я даже не успела разнервничаться или задаться вопросом, в какое место его правильной поцеловать – в губы или все-таки в щеку, – он сгреб меня в охапку и закружил. Замелькали перед глазами стрельчатые фасады домов гильдий, торговцы горячими вафлями, японские туристы, наводившие на нас дула-объективы, дети в разноцветных дождевиках...

– Привет! – выдохнул он, поставив меня.

– Привет! – ответила я, не в силах совладать с расплывающейся по лицу улыбкой.

Все-таки он потрясающе красивый мужчина. И он непритворно рад меня видеть.

– В моих мечтах ты должна бы броситься мне на шею и страстно поцеловать, мы же все-таки пять лет не виделись, – упрекнул он.

«Мы же все-таки пять лет не виделись, откуда я знаю, хочешь ли ты меня еще целовать?» – пронеслось у меня в голове, но вслух я сказала:

⁷ «Любовь» и «красивая» (*фр.*).

– Северная сдержанность.

– Я думал, ты будешь в декольте и юбке, – заметил он, оглядев меня с головы до ног.

– Ты разочарован?

– Немножко.

Как я могла, идиотка, одеваясь, думать о такой прозе жизни, как предстоящий пятичасовой перелет с пересадками! Куда, словно по волшебству, испарился страх выглядеть рядом с ним замарашкой? Почему я не надела десятисантиметровые каблуки, вытягивающие ноги в стрелу, – я, которая ради этой встречи вытерпела выстригание кошачьей мордочки в области бикини!

Вопросы-вопросы...

Мы шли неизвестно куда, болтая ни о чем, поминутно останавливаясь, чтобы поцеловаться. Мне хотелось узнать все-все, чем были наполнены эти пять лет, до единой детали. Неудачные романы? Судьбоносные сделки? Грустные одинокие путешествия? Я подбрасывала вопросы, как кочегар – поленья в топку, но огонь его красноречия все не разгорался. Его жизнь за эти пять лет исчерпывалась формулой: «Как всегда, горы работы и критически мало хорошего секса – ты же меня знаешь». Плюс голливудская улыбка.

Я бы не смогла так же емко описать свою жизнь в одной фразе. «Горы работы, несколько увлечений, но в основном мечты о тебе»? Или: «Университет, редакция, курсы итальянского, поездки по Европе – и медитация над твоей фотографией»? Или: «Я пять лет мечтала о совместной жизни с тобой, а теперь вот не уверена, потому что неделю назад встретила одного хорошего парня»? Нет, если бы он спросил меня, что я делала эти пять лет, я бы не ограничилась конспективным планом. Я бы пространно, как Гомер, рассказала, как поступила в лучший университет страны и как училась за двоих, боясь, что недостойна заветного места на бюджетном отделении. И про то, как неожиданно и некрасиво развелись родители. Про то, как устроилась на работу в русско-итальянскую газету с зачаточным итальянским и за несколько месяцев дослужилась до передовиц. Про то, как начала рисовать иллюстрации. Про то, как встретила большую любовь. Про то, как выросла из нее. У меня было много историй для будущего спутника жизни, но они никак не могли быть ответом на дежурный вопрос «Как поживаешь?».

Мы присели в баре, сделали заказ, с трудом прервав череду поцелуев. Целовался он восхитительно, но это было совсем не то, что мне сейчас нужно. Отведенные часы стремительно таяли, и мне важно было понять, с чем я уеду. И с каждой минутой все сильнее казалось, что единственным трофеем этой встречи будут исколотые его двухдневной щетиной губы.

– В каком отеле ты остановилась? – спросил он охрипшим от возбуждения голосом.

– Около Северного вокзала, – ответила я, подставляя шею под его поцелуи. – Но... я уже съехала.

– Как? Почему? – замер он.

– Комнату надо было освободить до двенадцати.

– Ах да, конечно. – Он снова заскользил губами по моему лицу, касаясь висков, бровей, ресниц, кончика носа. – Хорошо, что тут вокруг полно других гостиниц.

Я отстранилась:

– Маартен, я не пойду в гостиницу. Я не за тем хотела с тобой увидеться.

Он заглянул мне в глаза, как будто рассчитывал понять, шучу я или нет, и кивнул:

– Да-да, понимаю. Просто... извини, немножко перестал себя контролировать.

Я молчала. Какая глупая ситуация! Вот она, женская логика в действии, думает он сейчас. Заставила меня тащиться сюда из другого города, чтобы... Чтобы что? Я сама не могла себе ответить на этот вопрос. Мне нужно было, чтобы он сказал. Рассказал. Объяснил. Пообещал.

А пары часов для этого, конечно, было мало.
Мы расстались на полчаса раньше, чем могли бы. И на пять лет позже, чем надо было бы.

* * *

Самолет выруливал по влажной от недавнего дождя взлетной полосе. Обмякшее тело обнимала дрема, и в голове, почуяв ослабление контроля, носились, сталкиваясь и перескакивая друг через друга, обрывки воспоминаний. Вот Гийом вытирает мне усы из розовой пивной пены... Вот мы примеряем майки с провокационными надписями в антверпенском магазинчике... Вот Гийом спросонья отвечает кому-то по телефону... Вот Маартен обнимает меня посреди Гран-Плас... Вот мы страстно целуемся в нише кофейни, не обращая внимания на пляющихся официантов... С Гийомом? Или с Маартеном?

– Уважаемые пассажиры, обратите, пожалуйста, внимание на демонстрацию спасательного снаряжения, – протрубил над головой металлизированный голос.

Мыслеобразы разбежались по своим углам. В голове сразу прояснилось. Все-таки хорошо, что у меня не сложились «настоящие отношения» с иностранцем. Это, должно быть, нервно и накладно. Пришлось бы разориться на билетах и потерять полжизни в ожидании виз. Помня, сколько стресса доставила организация этих бельгийских каникул, повторять опыт совсем не хотелось. История с Маартеном научила меня очевидной вещи: курортные романы не должны длиться дольше отпуска. Самое время применить эту свежобретенную мудрость к истории с Гийомом. В Москве меня ждут любимая работа, друзья, семья и пара интересных знакомых противоположного пола – в общем, все, чтобы чувствовать себя счастливой.

Это такая дикая страна, и я в ней живу

«Здравствуй, моя любовь! Как дела? Здорово, что мы встретились, пусть и так ненадолго. Спасибо тебе за этот лучик радости в моей скучной жизни. Надеюсь, ты долетела без проблем. Много поцелуев».

«Здравствуй, дорогая!

Как дела? Надеюсь, ты хорошо долетела. Как прошел твой последний день? В приложении несколько фотографий из нашего путешествия – это были по-настоящему волшебные моменты. Много поцелуев».

Я переключала экран с одного письма на другое, пытаюсь разобраться, что же я чувствую. Церемония прощания с прошлым прошла успешно: по приезде я торжественно выкинула карту желаний, в центре которой размещалось фото, где мы с Маартемом обнимаемся и светимся от счастья. Несколько месяцев назад за такое вот письмо от него я продала бы душу. А сейчас оно казалось мне самым обычным письмом, написанным десятым кеглем на белом поле.

Зато второе письмо выглядело совсем необычно. Под его строчками таилась невысказанная нежность, каждая буква пульсировала надеждой на большое чувство. К тому же к нему прилагались фотографии! Одна из них вполне могла бы стать центром новой карты желаний.

Со дня возвращения я часто думала о Гийоме. В частности, о том, как мы могли бы ездить на шашлыки на дачу к Лиле. И о том, как мы валялись бы на траве во время традиционного отмечаемого дня рождения Маши в Малаховке. И о том, как мы придумывали бы костюмы для домашних маскарадов Инны. Это было новым ракурсом в размышлениях о мужчинах; как правило, мои ухажеры были намного старше моих друзей, отличались достатком выше среднего и были слишком заняты для дружеских посиделок.

Гийом между тем не только регулярно писал электронные письма и эсэмэски, но и предложил перевести наше общение из области печатных знаков в область телефонных разговоров. Мне стало немного жаль этого этапа отношений: во-первых, в области печатных знаков я чувствую себя более уверенно, чем во всех других; во-вторых, письма – это генераторы эмоций долговременного действия. Их можно сложить в папочку и перечитывать, как только захочется вспомнить ту прекрасную пору смятения чувств и слегка освежить эмоции. Письма – это скорая помощь по требованию, это эффективная таблетка против любых болезней самооценки и упадка духа. Я храню письма от всех своих бывших, и когда перечитываю их, хочу немедленно возобновить отношения с каждым адресантом.

Но Гийом был несентиментален. Совсем. Он звонил почти каждый вечер и неизменно начинал разговор с ненавистной фразы «How are you?». Я уговаривала себя, что все воспитанные люди начинают разговор с этой фразы, но поделаться с собой ничего не могла: что может быть скучнее в конце дня, чем разговаривать о том, как прошел день! И пока мое еле теплящееся чувство, оставленное без подпитки романтическими письмами, угасало с каждым новым «How are you?», чувство Гийома отчего-то разгоралось. Не иначе, как от моего голоса – больше, на мой взгляд, было просто не от чего. Мы же не разговаривали ни о философии, ни о политических взглядах, ни о детских психологических травмах, ни о любви к длинношерстным таксам – ни о чем, что обычно располагает людей друг к другу.

Но, видимо, голос у меня и впрямь что надо, потому что через месяц Гийом всерьез вознамерился нанести визит в Москву.

Его не охладило даже то, что для этого требуется виза. Правда, эффект от новости был такой же, как если бы кто-то сказал ему, что где-то в Европе люди до сих пор живут при феодальном строе или едят руками.

– Визы? Что за каменный век?

– Да, – вздохнула я. – А еще у нас расплачиваются наличными, помнишь? Трубка прошипела что-то невнятное и неприятное.

* * *

Несмотря на многие страницы, на которых Достоевский доказывал обратное, большинство людей по природе своей законопослушны. Они не имеют ничего против закона, а если и идут ему наперекор, то только когда закон имеет что-то против них. К сожалению, часто оказывается, что закон настроен недружелюбно именно к почитающим его людям. Мы честно ознакомились со списком требуемых документов для получения визы, в котором одна глупость погоняла другую. Например, чтобы остановиться у меня, Гийому требовалось приглашение, ждать которого, как мне объяснили в ОВИРе, «по закону месяц, на практике – два». Приглашение давало право на трехмесячное пребывание в России, но въехать в страну гость мог только один раз. И если бы он захотел въехать еще раз в течение этих трех месяцев, то эту визу пришлось бы специально аннулировать в посольстве, чтобы получить новую. Очевидно, что единственными жданными гостями из зарубежья в России были сезонные работники.

Более того, в посольстве требовали непременно оригинал этого приглашения – факс или распечатанная копия не принимались. Пересылать документ по почте – дело безнадежное: открытка, посланная родителям от храма Гроба Господня, добралась до места назначения через две недели после моего возвращения из Израиля. Услуги экспресс-доставки обходились примерно в две тысячи рублей, в эту сумму включены громкие обещания, но никаких гарантий. Сумка из лондонского бутика, выписанная одной моей подругой, до сих пор лежит где-то на границе. Подруга надеется, что она гниет в нераспечатанной коробке со штампом DHL, а не ласкает плечо какой-нибудь дородной таможенницы.

Взвесив все «за» и «против», мы встали на путь преступления. На который, надо сказать, до нас встали не только все интернациональные пары, но и многие организации, не желающие подвергать важную встречу риску срыва из-за медлительности чиновников. Обойти необходимость сбора документов, визита в паспортный стол, издержек человеческого фактора и автоматизации почтового ведомства можно, сделав фиктивную бронь отеля. То есть как бы обещать, что иностранец будет жить в гостинице как порядочный турист – вот же бумажка, все зарезервировано и оплачено. Эту бумажку даже – о, как легко идти дорогой греха! – можно переслать по факсу или по электронной почте, и не надо искать почтового голубя, гонца или нарочного, который доставит драгоценный оригинал адресату лично в руки.

Из-за гнетущего нас, лояльных и законопослушных граждан своих стран, чувства стыда за содеянное ожидание визы имело вкус валерьянки и персена. Тем более что получить заветный штамп в паспорт Гийом должен был прямо в день предполагаемого отлета. Как все-таки уберег меня Бог иметь стабильные отношения с иностранцем: ладно один раз в виде эксперимента повернуть весь этот бюрократический маховик, ну а если это станет системой? Это ж мука какая, каждый раз ждать встречи по два с лишним месяца, щедро оплачивать ее и до последнего не знать, состоится ли она.

* * *

Я сидела в парикмахерском кресле, накрытая белой попоной, на которую яркими рыжими мазками ложились отстриженные локоны. Было уже четыре часа дня, а Гийом так и не написал эсэмэску, получена ли виза. По подсчетам, он уже должен делать пересадку в Праге. Он должен проходить по рукаву, убирать свой чемоданчик на полку для ручной клади, любезно здороваться с соседкой по ряду, усаживаться у окна... Но почему же он не звонит и не пишет? Сотрудники посольства разоблачили подлог и задержали Гийома за фальсификацию документов? У него изъяли паспорт и теперь он невыездной? Он проспал самолет? Он проспал самолет, напился с горя, заснул в баре, у него украли телефон, поэтому он не видит моих звонков и эсэмэсок? Он в последний момент понял, что не хочет ехать в Россию? Он вообще и не собирался ехать в Россию и все это было просто розыгрышем?! Я соскочила с кресла, расплатилась и с недосушенной головой помчалась ловить машину в Домодедово.

* * *

Нет, не «Добро пожаловать!» было первой фразой, которую услышал Гийом на русской земле. Даже если бы он усиленно учил русский язык целый месяц с момента нашей встречи, он вряд ли бы понял то, что я кричала из толпы встречающих. Только бывалые таксисты, поджидающие своих жертв у выхода из зала прилета, оценили тяжесть ругательств, которые я метала в распростертые объятия иностранного туриста.

– Прости, дорогая, я так забегался сегодня утром, было совсем не до разговоров. А потом в самолете просто отключил телефон. Я до сих пор его не включил, вот смотри! – оправдывался Гийом, отбиваясь от волны моей ярости выключенным мобильником. – Откуда ж мне было знать, что ты так волнуешься? Да и было бы из-за чего! Почему бы это я мог не получить визу?!

Сразу видно, он незнаком с таким объемным корпусом русского фольклора, как «Страшные истории о том, как мне или моему знакомому отказали в визе». В этом жанре написаны многие страницы интернет-форумов, посты в «Живом журнале», а уж сколько триллеров про жестокость посольских чиновников передаются из уст в уста – не сосчитать! Такая форма народного творчества характерна для стран со слаборазвитой дипломатией. Но что толку было пересказывать эти страшилки наивному дитяти Запада, для которого само слово «виза» было чем-то из седых готических преданий. В этих преданиях живописались страдания тех, кто зачем-то вынужден эту визу получать, но, правдоподобия ради, умалчивалось о том, что после всех испытаний ее можно еще и не получить. Это уже было бы слишком для нежного европейского сердца, а хорошие пугатели знают, что перегибать палку в страшных историях не стоит – они от этого становятся пародиями, как фильм «Крик». Остался бы героем Иван-царевич, прошедший огонь, воду и медные трубы, чтобы спасти Василису Прекрасную, если бы, убив Кощея и отперев темницу, обнаружил, что за время его скитаний Василиса состарилась и изрядно подурнела от подвальной сырости и плохого питания? Сам дурак, подумали бы слушатели этой сказки. И были бы правы.

* * *

Всю дорогу от Домодедова до Бабушкинской Гийом шипел, чтобы я пристегнулась, и таки заставил обвязаться жестким ремнем, рассказав, как мои мозги будут вылетать через лобовое стекло в случае аварии. Когда шофер шутливо напомнил, что и на заднем сиденье

есть ремень, он гордо показал его пристегнутым. Отношение к ремню безопасности делит людей на бесстрашных дикарей и прогрессивных хлюпиков. Бесстрашные дикари вообще не верят, что попадут в аварию, справедливо полагая, что если все-таки попадут – они об этом уже не узнают. У них есть десяток доказательств, почему ремень безопасности опасен («В случае аварии он сожжет тебе кожу до мяса, сломает ключицу, вывихнет плечо и удушит тебя быстрее ядовитых выхлопов, а если и не удушит, то его заклинит и ты не сможешь выбраться из машины до того, как взорвется бензобак!»), и масса примеров, как непристегнутый ремень спасал людям жизни. Прогрессивные хлюпики, рефлекторно защелкивающие пряжку ремня, едва попа коснется сиденья, возражают им, ссылаясь на результаты краш-тестов («Они проводятся на скорости 60 км/ч, а кто сейчас ездит с такой черепашьей скоростью?!»), директивы Евросоюза («Ага, они и помидор предлагают считать фруктом») и, собственно, факт наличия ремня безопасности («А где-то, говорят, есть Красная Кнопка. Но ты же знаешь, что случится, если ее нажать...»). Было бы негостеприимно, если бы Гийом, ставший прогрессивным хлюпиком бессознательно, просто по факту рождения, был посрамлен бесстрашными дикарями на их территории в первые же минуты после прилета. Поэтому я пристегнулась, чтобы немного поддержать его, а вовсе не потому, что его кровавые образы воздействовали на мое воображение. Правду говорят, что в начале пути дорога в ад отклоняется от дороги в рай всего на один сантиметр. Я до сих пор не знаю, по которой из них иду, но теперь, в исторической перспективе, очевидно, что именно пристегивание того несчастного ремня безопасности было «перекрестком», на котором два пути разошлись.

* * *

Любой мужчина старше пятнадцати знает, без чего нельзя приходить в гости к женщине. В легком чемоданчике Гийома кроме смены белья и пары парадных рубашек лежал джентльменский набор – бутылка вина, набор шоколадных конфет из дьюти-фри и коробочка презервативов. Его самоуверенность раздражает, подумала я, окинув взглядом этот натюрморт в драпировке из джинсов. Кто сказал, что вина и конфет хватит, чтобы расположить меня к сексу? В наших отношениях пока что нет такой конкретики. За месяц я ведь могла и передумать. Но, как выяснилось несколькими минутами позже, эти три константы романтического вечера предназначались трем разным людям: бордо урожая 2000 года отошло маме, шоколадками была задобрена младшая сестра, а мне досталось исключительное право использовать презервативы. Из принципа распределения материальных благ я сделала вывод, что Гийом расценивал наши отношения иначе, чем я; по крайней мере, для него они уже перешли в ту фазу, когда секс перестает быть наградой за добытого мамонта, а становится обязательной частью досуга. Тем не менее ему нельзя было отказать в предусмотрительности: увлекшись бордо, мама забыла о ритуальном допросе, который стартовал с обманчиво-любезного вопроса «Чем вы занимаетесь, молодой человек?» и заканчивался раздраженно-риторическим «А на что вы собираетесь содержать мою дочь?!» – даже если юноша на ее дочь не имел никаких матримониальных видов. Благодаря продукции французских виноделов спали мы без лишних вопросов в одной постели, хотя я так и не дозрела до того, чтобы представить его семье как своего молодого человека.

* * *

Я с гордостью заметила, что даже те немногие друзья и родственники, которые не уличены в полиглотстве, чисто и четко воспроизводят на французском знаменитую речь Кисы Воробьянинова у входа в пещеру: «Мсье, же не манж па сис жур». Как знакомятся с Гийомом, сразу бойко так выдают: «Мсье, я не ел шесть дней!» Ну почти как французы, знакомясь

со мной, выпаливают: «О, водка-матрешка-КГБ!» Удивленному Гийому я объясняю, что это наше национальное приветствие, вроде сингапурского «Хэв ю макан?» («Ты ел сегодня?»). Во времена массового переселения китайцев в 1970-х годах молодой Сингапур страдал от нищеты и голода: китайцев было так много, что риса на всех не хватало. Справиться о том, ел твой визави сегодня или нет, было не просто проявлением заботы, но и первым пунктом инструкции по самообороне: говорят, в те времена голод был так жесток, что имели место случаи людоедства. Друзьям Гийом нравился. У него были густые волосы без залысин, зарплата менеджера низшего звена, съемная квартира и мечты стать рок-музыкантом – все как у нормального человека в двадцать пять лет. У обычного представителя категории мужчин «Дашины ухажеры» мечты если и были, то реализованные, а слово «зарплата» они уже давно заменили обтекаемым и многозначительным словом «доходы». Гийом тоже не любил слово «зарплата» – в его жизненные планы входило сколотить многомиллионное состояние в ближайшее десятилетие и уйти на заслуженный отдых в тридцать пять лет. Тогда он будет целыми днями играть на гитаре, купаться в море и, возможно, даже напишет книгу. Про что – пока не знает.

В его представлениях «писать книгу» было синонимом культурного безделья.

Мои друзья мужского пола разделяли его мечты и убеждения. Несмотря на то что мало кто из них сносно говорил по-английски. Но я склонна думать, что на свете существует какой-то специальный мужской язык, позволяющий представителям этого неразговорчивого пола понимать друг друга без слов. Мужчины могут уйти за пивом в ближайшую палатку и вернуться через два часа, обнимаясь и клянясь в вечной дружбе. И окажется, что они успели обсудить все экзистенциальные вопросы и выяснить, что во всем солидарны.

У женщин все сложнее. Они сходятся и расходятся в частностях. Как тут обойтись без слов? Поэтому мои подруги держали с Гийомом дистанцию: задав ему несколько общих вопросов из учебника «Хэппи Инглиш» и единодушно постановив, что его английский слишком гнусав для понимания, они посчитали свою миссию знакомства выполненной и переключались в режим рассматривания. А рассматривать было что. Гийом так выделялся на фоне соотечественников, что в Доме-музее Васнецова, где я велела ему молчать как рыба, все равно пришлось заплатить за билет сто двадцать рублей вместо шестидесяти. Иностранцам прикосновение к русской культуре обходится в два раза дороже, чем нам. Что в нем было не так с точки зрения отечественной физиономики? Частности, заметные только женскому глазу: угол между бровями и носом, тонкость переносицы, резкость скул, соотношение плечей и бедер, выражение лица. Бабушку-билетершу не проведешь.

* * *

Гийом очень хотел увидеть Кремль. Майская Москва расстелила свои клумбы, включила фонтаны, выпустила лебедей в приусадебные озера – а он не отрывал взгляда от страниц «Лё Пти Фютэ», где я краем глаза увидела древнюю фотографию Мавзолея и много-много золоченых куполов. Он помнил об официозных достопримечательностях даже на пикнике в Абрамцево, даже во время прогулки по Аптекарскому саду-огороду, даже под переливыв рояля в клубе на Малой Дмитровке.

В предпоследний день мы добрались до Манежной площади и даже подошли к кассам... но неприветливая барышня защелкнула замок ровно в тот момент, когда я обреченно взялась за ручку. Я ведь уже говорила, что мы везде и всегда опаздывали и – самое ужасное – нисколько из-за этого не переживали? Мавзолей, слава богу, был закрыт, и мне не пришлось краснеть за то, что я сама там никогда не бывала, даже со школьной экскурсией. Храм Христа Спасителя мы обежали довольно быстро, по дороге от Арбата к Китай-городу, и Гийом успел только мимоходом заметить, что выложенные неоновой проволокой имена свя-

тых похожи на рекламу кока-колы. Этот пассаж непременно надо вставить в какой-нибудь текст для «Вечерней Москвы», подумала я, но тут же сама себя срезала: ее же финансирует мэрия.

Гийом стремительно завоевывал мое журналистское сердце своими редкими, но меткими комментариями. И непременно завоевал бы, если бы, кроме них, делал хоть какие-то попытки мне понравиться.

Вероятно, его стремление готовить ужины нужно было расценивать как такие попытки. Но даже это трогательное предложение в его устах звучало обидно. Например, он говорил:

– Сегодня вечером я приготовлю тебе омлет «Четыре сыра».

– Мняяммм! – кидала я одобрительный взгляд поверх зеркала, перед которым выводила стрелки на глазах.

– Можно использовать яйца, которые в холодильнике?

– Конечно, дорогой, зачем спрашивать! – отвечала я, натягивая ботинок.

– И если я возьму остатки сыра с нижней полки, никто не обидится?

– Все, что в холодильнике, лежит там в ожидании, что его приготовят. И никто не справится с этим лучше тебя, – добавляла я елейным голосом, закрывая за собой дверь.

– Спасибо за доверие, – улыбался он, придерживая дверь. – Но одного сыра все равно маловато. Не могла бы ты по дороге с работы купить кусочек горгонзолы, грамм двести шанталь, ломоть пармезана... Впрочем, гран-падано тоже подойдет.

– Могу, – с заметно угасшим энтузиазмом отвечала я после паузы, во время которой калькулятор в голове подсчитывал, во сколько мне обойдется этот омлет.

На другой день Гийом взялся готовить пиццу. Он выдворил всех из кухни, строго-настрого запретив нам вмешиваться в кулинарное священнодействие. Дверь в храм еды периодически распахивалась с вопросами: «Где лежат глубокие тарелки?», «А плоские?», «А консервный нож?», «А противень?», «А скалка?» На последнем вопросе мы с мамой недоуменно переглянулись: у нас в доме не увлекались ни выпечкой, ни домашними пельменями, и скалка имелаась только в сувенирном наборе деревянной утвари, привезенном из Болгарии.

Гийом осмотрел предложенную скалку с художественно выжженным славянским орнаментом на ручке и почесал затылок.

– Вы живете в каменном веке, – без улыбки заявил он мне.

– Потому что у нас нет скалки?! – воскликнула я.

– И поэтому тоже. Как можно жить без скалки?

В ближайшие дни он понял, как можно жить без конусообразного устройства, вытаскивающего сердцевину из яблок, без специальных ножниц для куриного филе, без губки со скребком, собирающей капли со стен ванной после душа, и даже без терки для пармезана. Да в принципе и без пармезана тоже.

* * *

Однажды утром Гийом заявил, что мы идем на рынок, потому что на ужин запланированы «ондив су крэм фреш». Из названия блюда я знала только слово *sous*, которое вопреки очевидности значило вовсе не «соус», а всего лишь предлог «под». Я кивнула и незаметно, стараясь не выдать своего слабого в гастрономическом смысле французского, набила *ondive* в онлайн-словаре. Словарь бестактно указал на мою безграмотность, предложив выбрать из десятка вариантов правильного написания. Неужели вы, мадемуазель, могли предположить, что все будет так просто – слышится «о» и пишется «о»?! Вы не знали, что французы на

месте *o* могут писать *e, au, eau, aeux* и даже *ault*? Я попробовала все варианты, ожидая, когда в окне перевода появится что-нибудь съедобное.

– Цикорий?! – изумленно переспросила я компьютер. – Цикорий?! – еще изумленнее переспросила я Гийома. – Ты хочешь купить цикорий?

– Я хочу купить *endives*, – настаивал он.

– Ну да, словарь говорит, что это цикорий. Но по моим детским ощущениям цикорий – это старинный заменитель кофе для натуропатов и страдающих диабетом. Если честно, я никогда не слышала, чтобы живые люди покупали цикорий. И уж если покупать его, то уж точно не на рынке, а в... – я снова обратилась к онлайн-словарю, – отделе бакалеи.

Гийом пожал плечами, дав понять, что в нашей стране и куриное филе может продаваться на птичьем рынке. Может, смысл блюда прояснится, если понять, что такое *crème fraîche*? «Сливки», – без сомнения ответил онлайн-словарь. Значит, это все-таки какой-то молочно-сахарный десерт. Что ж, тогда и цикорий звучит правдоподобно, кто знает, насколько французская кулинария отстала от мирового прогресса. Я люблю сладкое.

– Дорогая, это – растворимый кофе, – мягким тоном психотерапевта сказал Гийом, когда я радостно подвела его к витрине и ткнула пальцем в банку с надписью «Цикорий» и изображением чашки черного напитка. – Иными словами, это совсем не *endives*.

– О'кей, тогда придется признать, что я не понимаю, что ты имеешь в виду под цикорием, – вздохнула я. – Сориентируй меня, где он продается.

– Полагаю, там же, где другие овощи.

– У вас есть... кхм... даже не знаю, как сказать... цикорий? – спросила я у дородной продавщицы овощей с дальних южных территорий России.

– Ци... цикорий? – высоко взметнула она нещипанные брови.

– Я тоже удивилась, но ему, – я выразительно скосила глаза в сторону Гийома, скучающе перебирающего ручки авосек, – нужен именно цикорий. Для какого-то французского рецепта, – понизив голос, сообщила я. – Он же француз, ни слова не знает по-русски.

Расчет оказался верным: продавщица перегнулась внушительным торсом через прилавок и совершенно бессовестно принялась шарить глазами по Гийому.

– Что, настоящий француз? – восхищенно переспросила она, как будто перед ней стоял представитель каннибальского африканского племени с косточкой между ноздрями и повязкой из пальмовых листьев.

Я кивнула.

– И ни слова по-русски?!

Снова кивок.

– Эй, парень! – кликнула он Гийому на несколько тонов громче, чем того требовало двухметровое расстояние. – Как он выглядит, твой цикорий?

Святая простота. Как и многие, она думает, что языковые трудности иностранцев сродни легкой глухоте: если крикнуть погромче, смысл сказанного должен дойти до них. Ведь, в конце концов, они же не тупые, а просто слегка не в своей тарелке.

Рекламно улыбаясь позолоченными зубами, продавщица показывала на свеклу, лук, картофель, огурцы. Гийом неумолимо качал головой.

– Ну, я не знаю, что вам предложить, – бессильно опустила руки дама, исчерпав весь ассортимент прилавка. – Ну нет у меня цикория. Может, баклажаны возьмете?

Мы вернулись домой ни с чем. Этот диковинный овощ на Лосиноостровском рынке не водился. Да и купленные сливки оказались не тем, чего требовал рецепт, – судя по отчаянным объяснениям Гийома, уставшего сражаться с чуждыми гастрономическими реалиями, его «крем фреш» напоминал по консистенции нашу сметану.

Жертвы несовершенного онлайн-словаря, этим вечером мы довольствовались макаронами с сыром.

* * *

В последний день мы все-таки попали в Грановитую палату. Я вышла оттуда гордой за свою родину, а Гийом – слегка подавленным. То-то, знай наших! Теперь бояться нужно только одного: как бы богатства царской России не укрепили его в мысли, что платить в ресторане за меня не обязательно. Хотя если после дней, проведенных в Москве, он стал думать, что мне нравится сорить деньгами, то в том была моя, а не Грановитой палаты вина. Мне так хотелось, чтобы мой родной город произвел на французского гостя хорошее впечатление, что я сама готова была платить за него, лишь бы только он ходил со мной в правильные кафе, на правильные концерты и в правильные музеи. Я заранее купила ему проездной на метро, заказала такси в аэропорт и затоварилась отечественными деликатесами. Все было направлено на то, чтобы Гийом избежал столкновения с изнанкой московской жизни: давкой в метро в час пик, очередями в билетную кассу и даже необходимостью ходить в магазин, где продавцы могли оказаться недостаточно любезными. Однако Гийом не спешил отвечать добром на добро. Он честно делил счет на свою и мою части и иногда, в порыве щедрости, предлагал заплатить пополам, если моя часть счета превышала его часть.

Чтобы избежать неприятных ситуаций, последний ужин решено было провести дома. Тем более что мама так и не успела толком расспросить гостя, чем он занимается.

Во время ужина во мне боролись радость и грусть оттого, что Гийом завтра уезжает. Так бывает, когда ешь, например, семгу в собственном соку или тушеные баклажаны – вроде бы блюда соленые, а во рту остается сладость. С одной стороны, было здорово снова его увидеть и не разочароваться. А с другой стороны, каким облегчением было бы разочарование! Мне нравилось, как он спит, как ест, как молчит и как говорит, как смеется и как сердится. Мне нравились его лицо, его фигура, его запах, то, как бережно он укладывает в чемодан ботинки и как ловко гладит рубашки. С каждым днем мне это нравилось все больше – и с каждым днем росла моя злость. Потому что он нисколько не старался меня завоевать. Он упрямо не делал ничего из того, что делают заинтересованные в женщине мужчины: не дарил цветов, не говорил нежных слов, не делал комплиментов, не ронял многозначительных фраз о совместном будущем, не умилялся моим маленьким недостаткам. Последнее прямо-таки выводило меня из себя. Искусно разыгрываемая непосредственность до сих пор была моим главным оружием в арсенале соблазнения, на его использовании держалась вся моя завоевательная стратегия, направленная на мужчин, тоскующих по уходящей молодости и бесхитростным девочкам. Гийома же образ резвящейся, очаровательной в своих нелепостях хохотушки не трогал совершенно. Усы от молочного коктейля не вдохновляли его не только на «вытирающий» поцелуй, но даже на заботливое промоkanie моих губ салфеткой. Наступающие сумерки не подсказывали ему набросить мне на плечи свою куртку и нарочно оставить руку в полуобъятии. Он не порывался подхватить меня, когда я прихрамывала в плохо разношенных туфлях, а на кокетливый вопрос «Смог бы ты донести меня до дома, если бы я тебя очень попросила?» не моргнув глазом отвечал: «Нет, ты тяжелая».

Обычно я легко отдаю свое сердце: живому, натренированному на выдуманных репортажах воображению не надо многого, чтобы выстроить образ Мужчины Мечты на непроверенном фундаменте. Главное, подлить в разгорающийся костер эмоций хорошего горячего из субъективных оценок, подслушанных историй, пристрастно истолкованных взглядов – и воображение уже несется на предельных скоростях в наше совместное будущее, навстречу образам из каталога «ИКЕА». Вот и тут я готова была отдать сердце этому, прямо скажем, далекому от эталона французу (старше меня всего на пару лет, не любит читать, не интересуется искусством, мало разговаривает, еще не состоялся в жизни и, главное, француз!), но едва моя фантазия намеревалась унести в голубые выси, он обрубал ей крылья. По

несколько раз на дню я думала, что совершенно ему безразлична, даже где-то противна, и каждую ночь он доказывал обратное. Иногда даже многократно. Но с утра, едва мы выбирались из постели, меня снова охватывали сомнения в собственной привлекательности.

* * *

Мы закончили церемонный ужин с домочадцами по случаю отъезда дорогого гостя и остались одни на кухне. Я заставляла бокал с остатками красного вина выписывать вензеля на столешнице, скучая от постоянных уточнений: «Во сколько завтра нужно выезжать в аэропорт?», «Ты договорилась с шофером о цене?», «Разменяешь мне тысячу рублей?» Хотелось, чтобы сегодня поскорее кончилось. Разве я заслужила выслушивать *такое* в последний вечер?! Вино стекало по стенкам бокала, оставляя длинные прямые «ножки»... Какой все-таки красивый этот винный язык: доля ангелов, аэрация, сомелье, миллезимы, купаж, шамбрироваться... И большинство слов ведь явно французского происхождения. Придумывают же люди такие романтические названия производственным процессам! И куда все это девается в человеческих отношениях?

Гийом между тем перешел к благодарностям за прекрасно проведенные дни, я задумчиво кивала и вставляла, иногда некстати: «Мне это было в удовольствие». В тот момент я почти мечтала о том, чтобы никогда его больше не видеть. Как вдруг по моим ушам полоснуло: «I love you».

Я открыла рот в изумлении, а потом вдруг расхохоталась. Гийом смотрел на меня испуганно, и я изо всех сил попыталась подавить непристойный смех. Я зажала рот одной рукой, а другой энергично обмахивала лицо, но ничего не могла поделать с вырывающимся из-под ладони хрюканьем. Гийом вскочил и кинулся в коридор. Отхохотав, я достала из ящика салфетку, промокнула глаза, сделала несколько глубоких вдохов и вышла следом.

Он курил на лестничной клетке, уставившись в темное окно. Я подошла и обняла его за плечи:

– Ну извини, мне стыдно, не знаю, что на меня нашло.

– Эта самая странная реакция на признание в любви, о которой я слышал.

– Ну какая любовь, Гийоша, умоляю тебя! – воскликнула я, борясь с возвращающимся хохотом. – О чем ты говоришь? Разве так ведут себя люди, когда любят?! Ты вообще-то знаешь, что это слово значит?

Он вырвался из моих объятий, бросил на пол докуренную сигарету и выбежал из подъезда. Подобрав окурочек, я затушила его о жестяную банку, заменявшую пепельницу на лестничной клетке. Хорошо, что топиться у нас поблизости негде.

Я сама удивлялась своей холодности. Мне все виделось словно со стороны, словно это происходило не со мной, а с моей проекцией. Как будто бы я знала, что сплю и все это не настоящему. Это ли не явное доказательство отсутствия любви? Мои чувства как будто кто-то держал на предохранителе, а ведь обычно я влюбляюсь в случайных прохожих и рыдаю над фильмами про животных.

Гийом вернулся поздней ночью – он открыл для себя бар «Пилотаж», который своей мигающей вывеской и подвыпившими посетителями мешал спать всем жильцам нашего дома, стоящего прямо напротив. Я сквозь сон почувствовала, как он плюхнулся на кровать и принялся клацать ремнем джинсов. Три пинты пива и рюмка егермейстера, безошибочно высчитал мой дремлющий мозг. Если бы это была любовь, я бы распереживалась и даже устроила бы сцену со слезами. Тут же я дождалась, когда он уляжется и начнет ровно дышать, потом повернулась и обняла его. Погладила по животу, плечам, шее. Запустила руку в волосы. Он уже слишком обмяк, чтобы сопротивляться ласкам, и сквозь сон, возможно, не

до конца понимал, кто я и что делаю. Но, буквально не приходя в сознание, он включился в процесс, и мы провели замечательную – молчаливую, но наполненную событиями – последнюю ночь.

Я не волновалась за то, в каком настроении он проснется, будет ли хмуриться или делает вид, что ничего не произошло, – по большому счету, мне было все равно. Отъезд Гийома был большим облегчением, хотя, глядя вслед выезжающему из двора такси, я чувствовала, как самовольно увлажняются глаза. В комнате стало пусто, кровать снова принадлежала только мне. Я опять могла вдосталь мечтать перед сном о прекрасных принцах, встреченных на сайте знакомств, и блестящем светском будущем, которое сулило мне замужество с одним из них.

Знакомство с родителями, или Очень кошка

Все начиналось непритязательно, но вот три месяца спустя я сижу на экспресс-курсах по французскому, чтобы через две недели ехать знакомиться с его родителями. Потому что Гийом упрям как осел и отказывается замечать очевидные вещи. На фразу «We're made of different pastry» («Мы сделаны из разного теста») он отвечает: «Ты даже не знаешь, из чего состоит тесто. У тебя дома нет скалки». Когда я набираюсь сил сказать ему, что все кончено, он сначала долго молчит, а потом начинает всхлипывать в трубку. Это выше моих сил. Это уже четыре раза оказалось выше моих сил.

Во всем виноват языковой барьер, уверяю я себя. Не исключено, что, освоив французский, я открою в Гийоме тонкого интеллектуала с редким чувством юмора. Или, на худой конец, смогу объяснить ему, почему нам не стоит быть вместе. Проблема коммуникации вполне объяснима, если учесть, что мы общаемся на уродливом глобише.

За окнами здания на Моховой стоит теплый июльский вечер, напоенный ароматами клумб Александровского сада и звонким девичьим смехом. Я бездарно прожигаю его, рассматривая распечатку песенных текстов, в которых понимаю только знаки препинания. В группе со мной еще шесть человек, которые так же, как и я, впервые увидели французский текст в довольно зрелом возрасте. За последние пять дней мы все смирились с тем, что выглядим идиотами, поэтому без стеснения распеваем песни Джо Дассена, стараясь попадать хотя бы в гласные. «О-о-о... а-э-и-э-ээ! О-о-о... а-э-и-э-ээ!» – так выглядит припев знаменитых «Елисейских Полей» в нашем исполнении.

Ну, рьян-дурьян, как поет Пиаф, то есть нашему дураку все нипочем. Восемнадцать наспех проглоченных уроков – и я готова отстаивать честь далекой северной страны перед буржуа из Прованса. Я могу, держа за спиной учебник, объясниться с полисменом, который поймал меня на превышении скорости, могу рассказать доктору, что у меня ларингит, и даже провести небольшую экскурсию по центру Парижа. Я очень горда собой. Жаль – нет, действительно жаль! – что я не вожу машину, не страдаю ларингитом и весь отпуск проведу в Экс-ан-Провансе, где чета Мийе проживает повышенную военную пенсию в двухэтажном особнячке.

Мийе-старший, спасатель в отставке, встретил нас на выходе из аэропорта Ниццы... и бегло заговорил со мной о чем-то. Из того, что я не поняла ни единого слова, могу заключить, что его спич не касался дорожных штрафов, заболеваний горла и топографии французской столицы. Странно, но и мама Мийе, дожидавшаяся нас в машине, не хотела обсуждать эти животрепещущие темы. Я с ужасом думала о светской беседе, которую придется поддерживать за обедом – долгим, как обещали сумки овощей и мяса, закупленных на придорожном рынке.

Моя матушка, глубоко изучившая этнокультурный вопрос перед поездкой, поручила мне ответственную миссию – узнать, правда ли французы едят цветы кабачка. Что лягушки по вкусу вылитая курятина, уже общеизвестно. Народ требует новых гастрономических мифов. Поэтому для чистоты эксперимента я обещала себе есть все, что предложат. Но куриные сердечки в говяжьих потрошках, которые папа Мийе приготовил в качестве основного блюда приветственной трапезы, – это слишком. Я бормотала что-то про вегетарианство, надеясь, что это слово звучит одинаково на всех языках. Увы, в лексикон этой семьи оно явно не входило.

Обед длился три часа. Не по случаю моего приезда – это среднестатистический обед. К каждому блюду из гаража извлекалась новая бутылочка чего-нибудь: то шампанского, то ягодной наливки, то лимонной настойки, то сухого винца, то сладкого ликера. И с каждой новой бутылочкой поток моего сбивчивого красноречия становился мощнее. С лиц родите-

лей не сходило напряженное выражение: они коллегиально старались связать мои шепелявые существительные и инфинитивы в синтаксическую конструкцию. Закончилась трапеза тремя шариками сливочного мороженого, щедро политыми «водой жизни» – крепким эльзасским самогоном («Его гнал мой покойный отец, дедушка Гийома. Осталось всего две бутылки», – приговаривала матушка Мийе), и вдохновенной речью в защиту российской нефтегазовой политики на Украине. Моей речью.

* * *

На второй день стало понятно, что программу визитов придется сильно сократить, ведь, если в сутках всего двадцать четыре часа и каждый прием пищи растягивается на три часа, на знакомство с Южной Францией остается всего немного. Но один город мы просто обязаны посетить, несмотря на то что родители – душевнейшие люди и запас местного алкоголя у них в гараже практически неиссякаем. Так что утром третьего дня мы запаслись питьевой водой и бензином и отправились в Сен-Тропе – город, где в некотором смысле начались наши отношения. Со светом в Сен-Тропе творятся странные вещи. Он не разлит по окружающим предметам, как во всех других географических точках, а густ и сконцентрирован – его практически можно пощупать. Оранжевой насыпью он лежит в начале переулка, теплой буханкой таится в углу внутреннего дворика, золотой струйкой стекает с крыш в разломы узких улиц. Неслучайно здесь любят снимать кино о красивой жизни. Съемочные группы могут экономить и на осветителе, и на гримере – в этом свете все недостатки кожи и фигуры становятся достоинствами. На Пляс-де-Лис мужчины – действительно, все как один в ослепительно-белых льняных костюмах – играют в петанк. Тяжелые металлические шары глухо бьются друг о друга и, взрывая песок, отбрасывают «соперников» на периферию игрового поля. А костюмы игроков между тем остаются ослепительно-белыми, как в рекламе «Тайда». На таких оптических обманах выстроен миф о Сен-Тропе, где у людей не бывает плохих дней, заусенцев, прыщей, морщин и пятен – ни на рубашке, ни на репутации.

Наш малогабаритный «ситроен» пристраивается между холеным «ламборгини» и белоснежной «маздой»; его фары, колеса, крылья и даже ручки дверей сразу приобретают какой-то извиняющийся вид. В Сен-Тропе никто не задается вопросом, откуда у людей деньги. Они просто есть: они рассыпаны по земле, они висят в воздухе, они – данность. На палубах яхт, выстроившихся вдоль причала, полуденный зной разбавляют ледяным шампанским. Хозяев не видно, но догадаться об их статусе можно по униформе и осанке стюарда, который оберегает вход в роскошный кампус со стороны набережной. Конечно, опасность проникновения надуманна: простые смертные снуют вдоль причала, завистливо лязгая затворами фотоаппаратов. Несколько сантиметров воды между пирсом и бортом – это демаркационная линия между теми, кто прикован к суше, и теми, кто перешел на другую ступень эволюции: обзавелся яхтой. Мы пока еще по ту ее сторону, где не качает, но Гийом утверждает, что это ненадолго.

Вместо голубей в этом городе – павлины, которые развелись здесь в пятидесятых годах прошлого века, когда в деревеньке Сен-Тропе стали приобретать дома экзальтированные американские миллионеры. Одичавшие птицы бродят в парке, окружающем Цитадель, в поисках зернышек и насекомых. Павлины абсолютно неприязнательны в еде и из любопытства едят все, что видят, – как и мне надлежало бы вести себя в Провансе. Мы извели на них половину запаса сэндвичей: если поторговаться, за большой кусок они распускают хвосты.

По возвращении меня переполняли впечатления, но поделиться ими было не только нечем (словарный запас до впечатлений не дотягивал), но и не с кем. Восторгов бы не разделили. Жители Южной Франции не любят Сен-Тропе – за павлинов, за «ламборгини», но главным образом за то, что он задает непосильные цены на недвижимость всему региону.

Поэтому я ела салат из горошка с морковкой и придумывала предлог, чтобы сбежать из-за стола. Похоже, в этих краях приему пищи придавали совсем иное значение, чем у меня на родине.

* * *

Старший Мийе – личность неординарная. Крепкий, коренастый, похожий на мавра, он производит настораживающее первое впечатление. Он очень быстро говорит, по-солдатски шутит и громко смеется. Где бы он ни появлялся, его тут же окружает толпа подростков: сидя на заслуженной пенсии, Мийе-старший ведет секцию юных спасателей. Его стараниями Гийом сдал на сертификат подводного плавания PADI, прошел курс по прыжкам с парашютом, научился ставить палатку за двадцать секунд и готовить деликатесный ужин из консервов. К тому же папа моего французского друга – натура увлекающаяся: в то лето его живым умом владела идея покупки надувного дома, который в спущенном состоянии помещается в карман походного рюкзака, а расправленный воздушным потоком превращается в трехкомнатное (!) строение с крыльцом, встроенной кроватью и наличниками.

Хобби Мийе-старшего – пешие прогулки. До Испании. Если в пути его застигает дождь, он садится на поезд, едет домой, чтобы переждать ненастье, а потом возвращается в пункт Икс с новыми силами и запасами провианта. Так, швом «назад иголкой», он уже пару раз добирался до Страны Басков.

О чем же мы, два заядлых путешественника и любителя пеших прогулок, могли говорить, как не о погоде? О-о, эту тему мы проходили! Сейчас-то я поражу его чистым французским прононсом, за который меня так хвалили на курсах.

– Кель бо там, – говорит он, имея в виду, что стоит хорошая погода.

– Уии, мэ трэ ша, – бойко отвечаю я: да, мол, только очень жарко, – и мысленно хвалю себя за то, что в кои-то веки не перепутала французское «мэ» и итальянское «ма».

– Трэ ша? – округляет глаза Мийе-старший. – Кель ша?

– Ну, ша-а, – повторяю я, обмахиваясь для наглядности.

– Сэтт ша? – показывает он на спящую белую кошку.

– Но! – в отчаянии мотаю я головой. – Ша-а-а! – оттягиваю ворот майки и высовываю язык.

– А тю аллержи о ша?! – На его лице появляется беспокойство.

– О господи, да нет же! Ша, хот, жарко!

– Ей жарко, – переводит вовремя появившийся Гийом.

– Да, именно, – подпрыгиваю, видя на лице папы Мийе просветление. – Я же и говорю, трэ ша!

– Шо! Трэ шо-о-о! А ты ему талдычишь «очень-очень кошка».

Ах, эта московская привычка акать и вообще невнимательно относиться к окончаниям! Все последующие утра теперь начинались с лукавых расспросов, не донимали ли меня ночью кошки.

Хотя мы молча друг другу симпатизировали, с Мийепапой взаимопонимания добиться было нелегко. Он родом из Лангедока, а там говорят со скоростью строчащего пулемета, умалчивая о существовании половины согласных в слове. Зато я прекрасно понимала его богатую жестикуляцию. Однажды утром он, столкнувшись со мной на кухне, сделал щиплющий жест в воздухе и сказал что-то про морковку.

– Нет, спасибо, – ответила я, – мы недавно позавтракали.

Он замотал головой, пряча улыбку.

– Тэ швё, – щипал он себя за коротко стриженный ежик, – сон комм ля карот.

Иными словами, волосы у меня цвета моркови. Какое после этого взаимопонимание... Хна с кефиром? Больше никогда!

Единственным членом семьи, с которым я вела продолжительные связные беседы, не опасаясь попасть впросак, стала собачка Юла. С людьми же интеллект пребывал в режиме офлайн, я старалась молчать и выглядела почти предметом сервировки. Чтобы не чувствовать себя совсем никчемной, я как одержимая мыла посуду. После обеда из пяти блюд ее было предостаточно. Сразу после ужина я подрывалась на кухню и решительно брала инициативу – читай, губку с моющим средством – в свои руки, отмахиваясь от хозяйских возражений бодрыми заверениями: «Да что вы, я обожаю мыть посуду! Это практически мое хобби!» В последний день я заметила, как мама Мийе выгружает тарелки из посудомоечной машины. Она перехватила мой изумленный взгляд:

– Да, знаешь, так экономней, воды расходуется меньше. Но мы думали, раз тебе так нравится, не будем мешать.

После Юлы с Беатрис у нас было наилучшее взаимопонимание. Гийом объясняет это тем, что она родом из Эльзаса, а там говорят очень мед-лен-но. Почти как эстонцы. Я же склонна объяснять это женской солидарностью. Иначе как бы она в полминуты разгадала пантомиму «Не найдется ли у вас жидкости для снятия лака?» Уверена, любой мужчина в ответ на мои энергичные заламывания пальцев предложил бы никчемный йод. Да и чего ждать от мужчин, если они не могут угадать «жарко» в «кошке».

Расставались мы, конечно, большими друзьями. Я сделала вывод, важный для всех девушек на выданье: ничто так не располагает к вам его родственников, как смущенная улыбка и молчание. Видно, судьба очень хотела выдать меня замуж, раз искусственно помещала в такие условия, где я, говорливая и язвительная, могу только молчать и улыбаться.

А цветки кабачка оказались до обидного неромантичным блюдом: по сути, они лишь красивый предлог для кляра из яиц и муки.

Парижская жизнь, так ее

Без особых на то оснований я всегда была уверена, что выйду замуж за богатого человека. Поэтому, когда я отперла ключом, только что полученным у домоправительницы мадам Лопез, дверь квартиры Гийома, я сразу поняла, что отношения наши ненадолго. Точнее, что они уже затянулись.

Проход загораживала хлипкая этажерка, нагруженная банками с крупой и коробками с порошковым картофельным пюре. Сразу налево была кухня... площадью два квадратных метра, из них полтора занимали стиральная машина, раковина и покосившиеся фанерные стеллажи с провиантом на случай войны – макаронами, мукой, консервами. На полу – горка мусорных пакетов и батарея пустых бутылок. Здесь не попеть песен под гитару, не почавничать с подругой. Холодильник занимал почетное место в гостиной: белым бочком он прижимался к маленькому телевизору, балансирующему на кривоногой табуретке. В нише встроенного шкафа, из которого для экономии пространства вынули двери и полки, переплелись розетками десятки проводов, разбегающихся от удлинителя в разные углы квартиры. Большую часть гостиной занимала раскладная сушка для белья. А за ней, в углу комнаты, стояла совершенно независимо от стены чугунная батарея.

Я втащила чемодан в комнату Гийома («дальнюю», как было сказано в легенде, которую он прислал мне перед отъездом – она начиналась в зале прилета аэропорта Шарль-де-Голль и заканчивалась фразой: «Вот и диван. Располагайся (в мини-баре напротив есть бутылка вина), включай телевизор и жди меня – я приду ровно в семь»). Как и наш номер в брюссельском отеле, это была комната-кровать, точнее, комната клик-клак. Стены были завешены полотнищами агрессивных расцветок. На кровати возлежала электрогитара.

Пользуясь отсутствием хозяев, я бестактно заглянула в смежную комнату. Ее занимал Готье, школьный друг Гийома, с которым они несколько лет назад вместе перебрались в Париж. Там не было ни электрогитары, ни черных плакатов с лозунгами вроде «Это моя территория», зато на бездействующем мраморном камине стояли фотографии маленьких племянников. Похоже, я плохо прицелилась: вот же, буквально за стенкой, живет сентиментальный человек, созданный для гармоничных отношений. Впрочем, за три тысячи километров такая маленькая осечка простительна... но тем более обидно. Тем более – потому что комната эта на полтора квадратных метра больше соседней.

Когда я открыла дверь в ванную, стало очевидно, что ошибка в выборе куда масштабнее: я промахнулась не просто с человеком, а с целой страной. В Европе восемнадцатого века французы были известны своей... кхм... нечистоплотностью. Даже сейчас, поговаривают, во французских школах лояльно относятся к вошкам и целыми классами болеют папилломавирусом. А чего удивляться, когда в ванной нет ванны. И сама ванная размером со стеной шкаф. Чтобы протиснуться к душевому поддону, нужно обогнуть раковину, прижавшись телом к холодному кафелю стены, и перешагнуть через унитаз. Причем стоит заранее подумать, с какой ноги начинать движение, потому что в узкой щелке между вторым и третьим сантехническим объектом места остается только для пируэта левой ногой, но никак не правой.

* * *

Отношения с Гийомом в разных коммуникативных формах длились уже восемь месяцев, и все это время словно против моей воли. Это он звонил, это он писал эсэмэски, он составлял планы совместных поездок, он заканчивал разговоры фразой «Я люблю тебя», на

что я продолжала смущенно отвечать: «Спасибо». Надо было как-то определяться, потому что знакомые мужского пола нервничали и требовали конкретики. Либо я вольная птица и перед встречей со мной надо по-прежнему брызгаться одеколоном с феромонами, либо на мне висит табличка «Занято. Руками не трогать» и теперь ко мне можно обращаться за советами в пользу других красивых девушек. Поэтому я решила в ущерб купаниям (Кемер, бархатный сезон, низкие цены) провести октябрьский отпуск в Париже. Надо использовать возможность бесплатно пожить там, пока она еще есть. Тем более что этот город отчаянно нуждался в хорошем втором впечатлении. Первый раз я увидела его три года назад в феврале, а февраль у меня всегда протекает с осложнениями. Сквозь призму паршивого настроения Париж показался грязным, несимпатичным и ужасно холодным – на всех фотографиях я получилась без шеи, она была втянута в плечи от озноба.

В семь вечера Гийом нашел меня на диване, мелко стучащей зубами от холода. Как удивились бы коллеги – вместо приветствия они часто восклицали: «Даша, опять в демисезонном пальто зимой!» Наверно, Париж обладает каким-то неизученным кровозамедлительным эффектом. И хотя, судя по страстным приветственным поцелуям, наши с Гийомом желания совпадали, я категорически отказалась снимать свитер в квартире, где нет центрального отопления, а в оконных рамах просверлены дырки для вентиляции.

– Я не знала, как включить это ч-ч-чудовище. – Дрожащим от озноба подбородком я указала на чугунную батарею.

Гийом нащупал коробок спичек под сушкой белья:

– Смотри, все просто. Зажигашь спичку, открываешь наполовину этот краник на трубе и на три четверти краник на самой батарее, засовываешь зажженную спичку вот в эту дырочку, и – вуаля! – загорается огонь. Теперь открываешь до конца краник на трубе и регулируешь краник на батарее: единица – свежо, восьмерка – жарко, как в аду.

– М-м-не сейчас, пожалуйста, как в ад-ду, – проклацала я зубами в ответ.

Через сорок минут квартира прогрелась, из кухни потянулись аппетитные запахи, а я сидела на диване, завернутая в его дырявый халат, и бездумно созерцала бокал красного вина. Тот самый бокал с аляповатым синим орнаментом, который путешествовал с ним в Бельгию.

Гийом вызвался соорудить торжественный ужин из топора – в холодильнике обнаружили только залежь початых копченых колбасок, наполовину опустошенная банка корнишонов и треть смертно окоченевшего багета в морозилке.

– Зачем ты заморозил багет? – спросила я с укоризной.

– Чтобы в доме всегда был хлеб.

– Но у тебя универсам прямо внизу, не проще ли сходить за свежим?

– Никто, кроме нищих эмигрантов, не покупает хлеб в универсаме. Настоящий хлеб продается в булочных. А булочные не работают по выходным... да и вообще когда им вздумается. Это же семейные предприятия.

– И из-за риска не найти открытую булочную в воскресенье ты делаешь запас мороженных батончиков? – уточнила я, не в силах поверить, что тот же самый человек намекал на «бессистемную загруженность» нашего московского холодильника, кормящего трех капризных в вопросах еды женщин.

– *La maison sans pain c'est comme le soir sans calins*⁸, – вдохновенно ответил он.

С тех пор как Гийом поймал меня на том, что я записываю некоторые его примечательные фразы в блокнот, чтобы использовать в будущих статьях, в нем проснулся талант к

⁸ Дом без хлеба что вечер без ласк (*фр.*).

составлению афоризмов. Этот талант был зарыт очень глубоко под другими его талантами, поэтому, выбравшись на поверхность, он не сразу сориентировался, что от него требуется.

– Calins? – Я наморщила лоб.

– Я тебе после ужина объясню.

Каково же было мое удивление, когда на журнальном столике, который по причине нехватки места заменял тут обеденный, появилось нечто похожее на шедевр Хуана Миро – черный фон тарелки, зеленый акцент гуакамоле, темно-красные мазки сушеных помидоров, розочки лососевой пасты, башенки круглых гренок и поверх всей композиции – вензель из веточек петрушки. Мне оставалось только ахать, потому что потревожить эту картину вилкой мог лишь бездушный варвар.

– Это закуска, – объявил Гийом, довольный произведенным эффектом.

Я выпучила глаза:

– А что, будет еще основное блюдо?!

– И даже десерт, – кивнул он.

Главным блюдом оказалось мясо по-французски, под шапкой из лука, сметаны и сыра. С каждым кусочком Гийом казался мне все привлекательнее, все роднее. А когда на столе появились «иль флоттант», или «плавучие острова» (легкое безе в соусе из английского крема с добавлением кофе), я уже готова была выдохнуть: «Я люблю тебя».

– Дорогая, подойди на минутку, – нежно позвал он из кухни.

Я с готовностью поспешила сделать два с половиной шага, разделяющие кухню и гостиную. Вот прямо сейчас и скажу.

– Я хотел объяснить тебе, как сортировать мусор, потому что заметил, что у вас в стране это не принято. Смотри, вот это... – Гийом двумя пальцами достал из мусорного ведра стаканчик из-под йогурта и потряс им у меня перед носом, – пластик, он может быть переработан. Значит, кидаем его вот в этот пакет. В первом пакете – неперерабатываемые отходы, во втором – годные на вторсырье, в углу – банки-бутылки и все другое стеклянное. А это... – он приподнял за хвостик почерневшую банановую кожуру, – кидаем в специальный мешочек и сразу его завязываем, чтобы мухи не налетели. Сейчас уже темно, а завтра спустимся во двор, и я покажу тебе, что в какой контейнер выбрасывать, ладно?

Я кивнула, проглотив вертевшиеся на языке три слова. Те самые, которые он ждал услышать уже несколько месяцев.

* * *

Нет, не запахом круассанов и не переливами аккордеона... Та-дах! Та-дах! Та-дта-гадааах! – так началось мое первое парижское утро. Кому пришло в голову поставить контейнер для стеклотары внутри двора-колодца? Кому пришло в голову выбрасывать туда пустые бутылки в восемь утра?! Определенно тому, кто даже поверхностно не знаком с законами акустики: грохот разбивающегося вдребезги стекла (выброшенная в контейнер бутылка пролетает до дна около метра) уносится к небу, запертый с четырех сторон каменными стенами, и с каждым этажом эхо усиливает его. Гийом ушел на работу десять минут назад. Не представляю, чего ему это стоило, если учесть, что до трех ночи мы не спали сами и мешали спать соседям слева, сверху и снизу. Я намеревалась проснуться только в половине одиннадцатого. Но соседи, видимо, решили отомстить за вчерашнее: они скрипели половицами сверху, стучали кастрюлями снизу, гремели бутылками со двора и хлопали дверями в подъезде. Масштабы их мстительности навели меня на мысль, что, возможно, в доме просто очень плохая звукоизоляция. Еще бы, здесь квартиры закрываются одинарной деревянной дверью, а на полу лежит древний рассохшийся паркет, громко стонущий от каждого шага.

Утренняя дрема была безжалостно изгнана, а ведь на часах не было еще и восьми тридцати. Я потянулась под одеялом, высунула ногу, чтобы нащупать тапки... и быстро засунула ее обратно. За пределами одеяла установился ледниковый период. Испуганные мурашки бегали от затылка к пяткам и обратно, а я думала, что в мире нет совершенства. Вот Париж, отпуск, утро в постели... ну, давайте считать, любимого человека... И холодно, как будто я попала в неотопливаемый сибирский город!

Закутавшись в дырявый халат, я осторожно выглянула из комнаты и прислушалась. Не хотелось бы столкнуться с Готье, будучи в таком неприбранном виде. Он славный парень, дружелюбный и ненапрягающий, из тех, с кем можно годами жить бок о бок и ни разу не поссориться. Вчера он деликатно запоздал к ужину, дав нам время побыть вдвоем. И ночью мы не услышали ни одного раздраженного стука в стену. У него самого девушка из Будапешта, он как никто знает, что такое редкие встречи после долгих разлук. В общем, он хороший человек. Именно поэтому, с учетом крохотных размеров жилплощади, не хотелось бы желать ему доброго утра с нечищеными зубами.

Похоже, в квартире никого. В два шага я оказалась в ванной, в царстве принадлежностей для бритья. Правда, на ассортимент гелей для душа тоже нельзя было пожаловаться: на железной полочке, подвешенной к оконному шпингалету, стояли рядом флаконы с запахом пачулей, экзотических фруктов, цветков хлопка и зеленого чая.

Обитатели этой квартиры следят за собой и всегда прекрасно пахнут. И кожа их долго будет оставаться упругой и подтянутой, как в рекламе антицеллюлитных средств, – принимать душ при такой температуре все равно что каждое утро проходить сеанс криотерапии⁹. Напор воды был слаб, как дамское рукопожатие, к тому же прогрелась она только к пятой минуте мурашечного стояния на поддоне. От побитого кафеля исходил могильный холод. В кухне томно вздыхала газовая колонка.

Я поставила на конфорку эмалированную кастрюльку с водой для чая (чай в Европе почти не пьют, чайников, соответственно, не держат) и полезла в холодильник. Вчера Готье – вот же идеальный мужчина! – забил целую полку всевозможными сырами. Сладкие, соленые, плотные, дырчатые, свежие, заплесневелые, круглые, прямоугольные, белые, желтые, оранжевые, красные, зеленые, черные, гладкие, морщинистые, обсыпанные тмином или сухими травами! Все мои вкусовые рецепторы трепетали в предвкушении. Я разложила сыры на маленьком столике и, громко чавкая, чтобы заглушить голос рассудка, призывающий не налегать спросонья на жирное и соленое, принялась пробовать по кусочку от каждого...

За дегустацией я просмотрела всю сериальную программу для домохозяек: в эти невинные часы, зарезервированные для приготовления обеда и игр с детьми, по центральным каналам всюю показывали голое тело, страстные поцелуи и неприкрытый секс. Французские телефильмы не стесняются этих тем и образов. Потому-то французы так многообещающе в преддверии сентиментальной жизни: они растут с мыслью, что секс есть важная часть ежедневного распорядка. Я не имею ничего против этой установки, но, поскольку до ближайшего сеанса секса оставалось еще минимум восемь часов, мне не хотелось провокаций. Я нашла канал ARTE, аналог нашей «Культуры», – там начинался красивый фильм-сказка с молодой Катрин Денёв и Жаном Марэ. То, что надо для целомудренного утра, решила я и благостно откинулась на подушки с ломтем оссо-ирати.

Это был детский музыкальный фильм про Ослиную шкуру.

Первые пять минут я думала: какая несправедливость, что из-за разногласий с капиталистическим Западом советские дети были лишены таких сказочно сделанных сказок.

⁹ Криотерапия – лечение холодом.

Режиссеру-постановщику можно было смело давать премию «Сезар», художнику по костюмам и оператору – вручать золотые пальмовые ветви, а Катрин Денёв заочно – корону «Мисс Франции». Во всем этом неописуемо красивом мире была только одна несуразность: придворный осел какал рубинами. Нет, это замечательно, что рубинами, но сам процесс... Эстетики ради сценарист мог бы придумать иной способ синтеза драгоценных камней в ослином организме. Почему бы ослу, например, не вытряхивать их из ушей или не выбивать копытцем? Возможно, тогда бы фильм прошел кордоны строгой советской цензуры и его прокатная география расширилась бы в разы.

Но с каждой следующей минутой я укреплялась в мысли, что сказка эта чисто французского пользования. Во всех других странах ее показывали бы на закодированных каналах. Итак, королева умерла. Король был так опечален, что прогнал с глаз долой принцессу, которая была слишком похожа на почившую мать и тем самым разрывала ему сердце. Через несколько лет он случайно увидел девушку поющей в саду, поразился ее зрелой красоте и сходству с покойной женой и... решил на ней жениться. На своей дочери. Чтобы подавить слабое сопротивление отвыкшей от отцовской ласки принцессы, он использовал тяжелую манипулятивную артиллерию из разряда «Разве ты не любишь своего отца, не считаешь его и не хочешь сделать его счастливым?». Героиня Денёв покорно кивала: мол, люблю, почитаю, хочу. Я в ужасе наблюдала за этой сценой инцестуального растления, успокаивая себя тем, что старик король выжил из ума, дочь это прекрасно понимает, но боится потерять право наследования и постарается деликатно урезонить его психопатическое либидо.

Принцесса бежит за советом к фее-крестной, которая в песенно-танцевальной форме разъясняет ей, что молодым девушкам не пристало выходить замуж за своих стареющих отцов. Чудесный опереточный номер, хотя, на мой взгляд, в сюжете избыточный – принцесса наверняка и сама в курсе прописных истин. Поскольку король – самодур и песенно-танцевальные аргументы на него, скорее всего, не возымеют действия, фея предлагает девушке попросить у отца в качестве свадебного подарка платье цвета луны. Эта женщина мудра, подумала я. В своем лесу ей наверняка частенько приходится сталкиваться с неуравновешенными типами, и она знает, как с ними обходиться без риска для здоровья.

Бровки Катрин Денёв расслабленно разъезжаются обратно на свои места, на губах снова появляется беззаботная улыбка – план кажется ей гениальным. Она, талантливо играя смущение, сообщает о своей воле отцу. И в указанный срок получает платье. «Что же делать?» – думает она и снова бежит к фее-крестной. Та предлагает план Б, потрясающий своей оригинальностью, – попросить теперь платье цвета солнца. Отец скрежещет зубами, но соглашается и на этот каприз. Принцесса поражена красотой полученного наряда и идет к крестной уже без прежней прыти. «Он подарил мне платье, оно очень красивое. И вообще, он такой добрый, я так его люблю, почему я не должна выходить за него замуж?» – спрашивает она.

И только тут до меня дошел весь ужас ситуации: оказывается, до этого момента принцессе было совсем не очевидно, почему придется дать отказ отцу-растлителю. Просто она была в смятении из-за его внезапной сентиментальной атаки после долгих лет, в течение которых он беспричинно гнал ее от себя.

Но фея-крестная непреклонна. Она придумывает жестокий, но безотказный план – попросить у короля шкуру осла, экскременты которого обеспечивают государственную казну. На это король точно не пойдет, а если вдруг пойдет, тогда выхода нет – придется бежать из королевства.

Я закусила губу. Все дети в этот момент уже совершенно точно рыдают крокодильими слезами. Пускай уж лучше девушка согласится на инцестуальный брак.

Принцессе тоже жалко осла. Ведь сколько она себя помнит, он какал рубинами и страшно ее забавлял. Да и замуж за отца она выйти совсем не против. Но крестная сказала:

«Не положено». Девушка таки просит у отца накидку из шкуры национального достояния. Рыдает, но просит. Король вне себя от гнева, но соглашается. Потому что бес в ребро скребет его так сильно, что он готов оставить государство без единственного источника дохода. Ночью принцесса просыпается и видит перед собой голову убиенного животного... ну и шкуру под ней. Маленькие зрители бьются в истерике. Принцесса тоже рыдает, потому что ей теперь придется уйти из замка, где она выросла, где жарко топят и купают ей ножки в золотой ванночке, бросить отца, за которого она почти собралась замуж, и мечты стать королевой. Но крестная сказала: «Надо!» – а принцесса, как видно из фильма, склонна безоговорочно слушаться старших. И вот она, утирая слезы, накидывает на себя ослиную шкуру... **НАКИДЫВАЕТ НА СЕБЯ ОСЛИНУЮ ШКУРУ** и бежит из родного дома в соседнее королевство. Новый наряд ей, видно, так нравится, что она не вылезает из него ни днем ни ночью, однако принц этого королевства подглядывает за ней в волшебное зеркало и заболевает от любви. Спасти его может только пирог, испеченный замарашкой в ослиной шкуре, о чем он сообщает перепуганным родителям. Королева намекает на антисанитарию, король настаивает, что заказанный пирог наследник престола будет пробовать только в присутствии придворного врача. Принцесса, не снимая ослиной шкуры, принимается за готовку – впервые в жизни, потому что, чем дуршлаг отличается от терки, ей подсказывает волшебная поваренная книга. Ослиные копытца волочатся по кухонному столу, ниспадают в миску с тестом, придавая будущему пирогу крепкий деревенский аромат.

Присутствие придворного лекаря на дегустации оказывается нелишним: принц едва не ломает зубы о золотое кольцо, коварно подложенное туда Ослиной шкурой. Зуб спасают, но мозг наследника уже необратимо поврежден. Как иначе объяснить, что вместо того, чтобы дать гонцу разнарядку доставить во дворец «девушку, которая носит ослиную шкуру» (она там в королевстве живая достопримечательность, едва ли не туристы с ней фотографируются), он устраивает примерку кольца всем женщинам королевства? Примерка кольца – это поистине эпическая сцена: демократически настроенный принц настоял, чтобы на смотрах присутствовали все без исключения подданные женского пола, включая старух, малолетних детей, нищенок, юродивых и не способных самостоятельно передвигаться.

Короче, принц нашел свою возлюбленную под ослиной шкурой. Играют свадьбу. В разгар пиршества во двор прекрасного барочного замка влетает... **ВЕРТОЛЕТ**. Я не шучу: натуральный серый вертолет гражданского пользования, без розовых лопастей и позолоченной вязи на стеклах, как будто только что с военно-воздушных учений спасательной бригады. Оттуда выходят король-отец и фея-крестная. Отец расцеловывает блудную дочь, а фея, видя ее тревожное выражение лица, успокаивает: «Не волнуйся, дорогая, он больше не хочет на тебе жениться. Он уже женился – на мне».

Все счастливо улыбаются, занавес, дети идут пить какао.

Я выключила телевизор и долго сидела неподвижно с широко раскрытыми глазами. Час дня – самое время выйти поприветствовать город. Но можно ли без пневматического оружия выходить в город, чьи жители выросли на подобном кино?

* * *

Когда, пройдя триста метров по улице, вы встречаете босоногого буддистского монаха, длиннорядого старика в белоснежных одеждах, женщину, у которой из носа торчит трубка, а к поясу пристегнут аппарат искусственного дыхания, девушку в сари, девушку в пижаме и группу негрятенок в ярких, пышных платьях и чалмах, вы чувствуете себя в своей тарелке? Я чувствовала себя посетителем музея естествознания. Для остальных прохожих было в порядке вещей по дороге на работу пересечься с вождем африканского племени в парадной тунике и с обвешанной плюшевыми игрушками японкой фетишисткой – никто

даже не поворачивал головы в их стороны. Моя же голова крутилась в разные стороны и иногда проворачивалась вокруг своей оси. Каждый встреченный человек был готовым персонажем для повести. Пройдя мимо террасы кафе, можно было набрать сюжетов на увесистый сборник. Вот, например, эта молодая парочка. Я уже и афишу вижу: драма, в ролях Гийом Канэ, Марийон Котийяр и Одри Тату. Он встречается с ее лучшей подругой, но их тянет друг к другу, они ничего не могут и не хотят с этим поделать, потому что фильмов про морально возвышающую дружбу во французском кинематографе гораздо меньше, чем про разрушающую и нездоровую любовь. В конце Марийон Котийяр срывается с моста. А эта пара в возрасте – соседи по лестничной площадке, оба вдовцы. Однажды они столкнулись у лифта, он вдохнул запах ее «Шанель № 5», а она – безмянного лавандового одеколона, и они одновременно подумали, почему бы не попытаться построить что-то новое на склоне лет; но призраки прошлого здорово досаждают им – почившие супруги не желают делить их с другими даже после смерти. Мистический триллер.

А этой барышне сегодня не повезло: ей не продлили контракт стажера в издательстве, и теперь, похоже, придется возвращаться к родителям в Лотарингию, ведь срок оплаты аренды ее двадцатиметровой студии истекает через неделю, и это последние триста евро, что у нее остались. Смятение чувств она запивает капучино и закусывает эклером. Начало романтической комедии.

Ноги подустали, и я очень кстати набрела на тенистый парк. Расположившись на парапете фонтана, подставила нос солнышку. И вдруг в этот нос стал просачиваться ни с чем не перепутываемый аромат марихуаны. Я приоткрыла глаз: рядом устроилась приличного вида школьница старших классов и самозабвенно смолила косяк. Не успела я закрыть глаз и подумать про нее гадости, как над ухом раздался приятный звонкий голосок: «Извините, вам не мешает дым?» Это было очень трогательно. Как если бы воры, грабящие пивной ларек у меня под окном ночью, поднялись бы на второй этаж и вежливо спросили, не беспокоит ли меня шум разбивающегося стекла. «А то если что, мы можем перенести работы на другое время!» – «Нет-нет, все в порядке, я потерплю». – «Мы можем предложить вам фирменные беруши». – «Спасибо, мне действительно не сильно мешает. Если вы будете долбить поритмичнее, то это даже может сойти за Шопена». – «Мы постараемся, мадемуазель. В любом случае мы постараемся управиться как можно скорее, чтобы у вас было еще несколько часов тихого утреннего сна». – «Очень любезно с вашей стороны». И они вернутся к разграблению ларька.

Я покачала головой: «Нет, не мешает». И от умиления добавила: «Это даже приятно».

Париж стерпит все. Хочешь спать на траве – спи, хочешь ходить босиком – валяй, хочешь жить в чемодане – располагайся, никто тебе слова не скажет. Здесь живут люди всех цветов кожи. Одни соблюдают рамадан, другие вставляют золотые зубы на место здоровых, третьи ходят в чалмах и юбках эпохи дядюшки Тома, четвертые в жару преют в деловых костюмах. Все разные, и никто друг другу не мешает.

* * *

Автор блестящих травелогов Джером Клапка Джером в рассказе о путешествии троих закадычных друзей на велосипедах по Германии – незаслуженно менее известном, чем их путешествие в лодке по Темзе, – подробно, аж на шести страницах, объясняет, почему он не будет вдаваться в описания природы, дикой или городской, так любимые романистами. В эру пароходов и фотоаппаратов английский классик считал этот жанр таким же бесполезным, как красочное описание блюд, которые подавались к обеду, – попыткой подменить зрение другими чувствами. Джером бесконечно прав. Каждый школьник знает, что нет ничего скучнее, чем описания природы, которыми злоупотребляют классики литературы. Описание

городов, которые постепенно вытеснили леса и поля из хронотопа повествований, по сути то же самое. «Один муравейник как две капли воды похож на другой. Везде много дорожек – одни узкие, другие широкие, и по ним бестолково снуют насекомые: одни куда-то спешат, другие останавливаются перекинуться словом с приятелем. Одни волокут тяжести, другие греются на солнышке. В закромах хранятся припасы, в бесчисленных кельях насекомые спят, едят, любят, а рядом, в уголке, покоятся их белые косточки. Эта норка побольше, эта поменьше. Это гнездышко на камнях, это – на песке. Этот домик построен лишь вчера, а этому чуть ли не сто лет – говорят, он появился еще до того, как ласточки налетели, – а там кто его знает?»¹⁰

Поэтому я вырезала отсюда лирические зарисовки про «студенческий дух Латинского квартала», «величие собора Нотр-Дам» и «буржуазный шарм Марэ». Нет лучшего способа прослыть самонадеянным идиотом, чем попытаться описать Париж русскому человеку. Для русских людей этот «муравейник» стоит особняком от всех других. О нем говорят с придыханием, будто улицы там вымощены круассанами и романтику разливают на заказ, как пиво. И все его отчего-то знают как свои пять пальцев.

Чтобы объяснить магию Парижа, достаточно описать одно среднестатистическое кафе. Скорее всего, под полосатым красно-черным навесом, на котором золотой вязью выписано примитивное название вроде «Улитка» или «У Франсуазы». Столики и стульчики, будто маленькие упрямые бойцы бессловесной мебельной армии, оккупируют каждый свободный метр тротуара вокруг него. Иногда после одиннадцати вечера они отступают и стройными шеренгами стоят за витриной, готовые к утренней атаке. А самые упорные и ночью не сдают своих позиций: для надежности они скрепляются цепями и спят стоя, как боевые лошади.

Кафе в Париже – это совсем не то, что кафе у нас. Они никогда и не претендовали на то, чтобы кормить людей. Об этом издали сигнализируют столики, на которых нет места тарелке – на нем помещается только «повод для беседы»: чашка кофе или бокал аперитива и блюдечко с фисташками. Очищенная от условностей, беседа льется легко и непринужденно; под локтями появляются круги от новых бокалов; уличный гул ближе к вечеру звучит как музыка, под нее мимо столика проносятся люди – идеи для повестей и романов.

¹⁰ Джером Клапка Джером. Трое на четырех колесах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.